

18+

Джером К. Джером

Все дороги ведут на Голгофру

Джером Клапка Джером

Все дороги ведут на Голгофу

«Издательские решения»

Джером Д.

Все дороги ведут на Голгофу / Д. Джером — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-561170-3

Такого Джерома вы ещё не читали. И не только потому, что его роман «Все дороги ведут на Голгофу» переведён на русский язык впервые. В конце жизни автор «Трёх в лодке» из саркастического насмешника превратился в исполненного грусти и надежды наблюдателя, задающего вопросами религии, любви, чести, подлости, войны и мира — в поисках причины творящейся вокруг несправедливости. Видимо, именно поэтому, спустя сто лет после первого издания, книга читается так, как если бы была написана сегодня.

ISBN 978-5-00-561170-3

© Джером Д.
© Издательские решения

Содержание

От переводчика	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Все дороги ведут на Голгофу

Джером Клапка Джером

Кирилл Шатилов *Переводчик*

© Джером Клапка Джером, 2022

© Кирилл Шатилов, перевод, 2022

ISBN 978-5-0056-1170-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От переводчика

Я чувствую себя вправе успеть сказать несколько вступительных слов, прежде чем вы приступите к чтению, поскольку не был поставлен издателем перед фактом «вот роман, который нужно перевести», а отыскал его сам, почти случайно, задавшись вопросом «А остались ли какие-нибудь произведения знаменитых английских писателей, которые бы не были переведены для русского читателя до сих пор?». И был удивлён, что к таким произведениям, в частности, относится роман Джерома Клапки Джерома . *All Roads Lead to Calvary*

Остановить же выбор именно на нём меня подвиг другой примечательный факт. Если вы воспользуетесь поисковиком и погуглите это название (хоть в оригинале, хоть на русском), интернет первым делом выдаст вам одноимённый британский фильм 1921 года, т.е. снятый через три года после первой публикации книги. Фильм немой и... вовсе не о том, о чём писал Джером. Это обстоятельство не могло не подтолкнуть меня взяться за перевод, поскольку оно говорило: в романе есть нечто, чего из него нельзя даже при редакторском желании выбросить, но что нежелательно доносить до публики.

Последнее время, изучая историю и культуру, я сталкивался с подобным довольно часто. Вы ищите в интернете одиозного автора, не согласного с официальными теориями мироздания, или его произведение, а вместо них вам подсовывают одноимённые вещи, никакого отношения не имеющие к тому, что или кого вы ищите. Маленький трюк, но он позволяет похоронить бриллиант под ворохом мусора...

О том, что Джером знал материал, пронзительно раскрытый им в этом неожиданном романе, изнутри, можно судить уже по его фамилии – Джером.

По легенде, её просто... придумали. Мол, отец, Джером Клэпп, решил, во-первых, стать повторно Джеромом, а во-вторых, взял фамилию своего венгерского друга-генерала Дьёрдя Клапки, и сделался Джеромом Клапкой Джеромом. Конечно, можно верить тому, что у торговца скобяным товаром в друзьях водятся венгры, да ещё генералы, однако, если вы замечали, смена фамилий вообще и столь радикально странная в частности свойственна вполне определённым разрядам людей.

Потом, как водится в подобных историях, оба родителя умерли, а тринадцатилетнему Джерому (имя которого почему-то никто и никогда не пишет «Джером Клапка Джером-младший», хотя с полными тёзками отцов так поступать принято) пришлось трудиться в поте лица и т. п. При этом его дед по материнской линии был вообще-то весьма зажиточным адвокатом.

Углубляться в подробности не стану, поскольку биография Джерома напоминает мне биографии множества искусственно созданных для продвижения определённых проектов «гениев», начиная с Джека Лондона (в девичестве Джона Гриффита Чейни, причём из тех же Чейни, из которых был министр обороны при младшем Буше – Ричард Брюс Чейни, в миру – Дик Чейни) или Марка Твена (Самуила Ленгхорна Клеменса) и далеко не заканчивая каким-нибудь одиозным Джорджем Оруэллом (который вообще-то Эрик Артур Блэр из тех же Блэров, что и Тони Блэр, не менее одиозный британский премьер).

Это я к тому, что опыт учит: все без исключения известные нам «гении» и просто знаменитости, будь то актёры, художники, писатели или кто угодно, стали таковыми, т.е. известными нам, в силу своих семейных корней. Некоторые из них, разумеется, не были лишены собственных талантов, как оказалось в случае с Джеромом. Которому не помешало подозреваемое мною родство с выпивохой Уинстоном Черчиллем, сыном, как вы знаете, богатой «американки» Дженни Джером. А женитьба на Джорджине Элизабет Генриетте Стэнли Мэрисс лишь дополняет картину, иначе говоря, объясняет далеко не шапочное знакомство «сына торговца скобяным товаром» с нравами высшего британского света. Как вы понимаете, я имею в виду фамилию Стэнли, если она вам что-нибудь говорит.

Говорю я обо всех этих не часто упоминаемых в официальной литературе фактах лишь затем, чтобы «без спойлеров» подготовить вас к тому, что вас ждёт. В тех романах, по которым обычно знают творчество Джерома (обычно по одному, «Трое в лодке», хотя было и ещё несколько), персонажи живут своими «типично английскими» жизнями, а мы над ними вместе с автором смеёмся. Здесь же у Джерома смеются сами персонажи, тогда как нам с вами, мягко говоря, совершенно не до смеха. Потому что мы читаем о том, что происходит не более ста лет назад, а что, если вы внимательны, творится прямо за вашим окном и на экранах ваших мониторов...

Что касается непосредственно перевода, я бы хотел тоже вас к нему вкратце подготовить.

Правильно считается, что перевод можно назвать «хорошим» тогда, когда он не воспринимается переводом, а читается так, будто был написан по-русски изначально. Я согласен и до некоторых пор именно так и поступал. Однако последнее время я стараюсь добавлять в этот принцип ещё одну «изюминку»: перевод должен читаться так, как если бы он был написан по-русски, но при этом восприниматься так, как если бы вы были англичанином. То есть так, как писался оригинал.

Поэтому я поелику возможно сохранил, в частности, авторскую форму подачи речи героев: одно высказывание может распадаться на несколько абзацев, тогда как у нас обычно подобное принято сливать в одно. Я также не повёлся на не всегда приемлемую мной «традицию» не переводить собственные наименования английских газет. Однако если уж быть последовательным, то когда англичанин упоминание про какую-нибудь «Дейли Мейл», он читает «Еженедельная почта», чего русский читатель будет лишён, если название не перевести. Можете со мной спорить, но я поступил так, как счёл нужным.

Вероятно, вы заметите в тексте отдельные досадные очепятки. Если заметите, не стесняйтесь, я всегда готов выслушать вас по адресу kanova2002@yandex.ru. Не готов я выслушивать лишь гневные отповеди на тему приставки «бес-», которую я всегда пишу так, как писали исконно – «без-». Потому что до большевиков её в русском языке не было, как нет до сих пор соответствующего предлога. Бес – это бес с рогами. А без – это отсутствие чего-либо. Поэтому когда Островский писал о девушке без приданого, он назвал её историю «Безприданница». Не верите мне, посмотрите на оригинальный титульный лист в интернете сами. Я просто не хочу, чтобы с моих строк в головы читателей подспудно проникал «бес честный», «бес страшный», «бес помощный», «бес правный» и т. п. Не привыкли – потерпите. А лучше – привыкайте и пишите таким же образом сами, чтобы не помогать врагам, о которых вы сейчас будете читать, портить и без того требующий ремонта окружающий нас мир.

Кирилл Шатилов

Глава 1

Она не собиралась задерживаться на службу. Дверь оставалась завлекательно открытой, и мимолётный взгляд внутрь подтолкнул её к мысли о том, что может получиться интересный материал. «Старые церкви Лондона: общественные и исторические связи». Будет несложно собрать забавные случаи из жизни знаменитостей, которые туда заходили. Ей, возможно, удастся договориться о серии статей для одной из религиозных газет. Сведения обещали быть исключительными, особенно на тему, изобилующую могилами и памятниками. В этом присутствовал характер, аромат былого. Она представила себе давно почивших прихожан в напудренных париках и чопорной парче. Какими колоритными, должно быть, выглядели проходившие здесь свадьбы, скажем, в правление королевы Анны или при ранних Георгах. Уже тогда церковь была древностью. В атмосфере увядшего великолепия, с рельефными альковами и тёмными нишами, с изодранными знамёнами, свешивающимися с потолка, она не могла не служить восхитительным фоном. А может, чиркнуть исторический роман в духе Теккерея? Она уже видела героиню идущей по проходу между рядами рука об руку со своим старым отцом-солдатом. Позже, когда её положение журналистки упрочится, она об этом подумает. Пока ещё рановато. Первые верующие придут где-нибудь через полчаса: ей как раз хватит времени на то, чтобы сделать несколько беглых пометок. Если она вообще когда-нибудь займётся литературой, это наверняка будет школа реализма, которая ей импонировала. Остальное тоже покажется приятным после долгой пешей прогулки от Вестминстера. Она найдёт уединённое местечко на одной из жёстких скамеек с высокими спинками и позволит атмосфере этого места проникнуть в неё.

Тут незаметно подкралась местная служка и посчитала само собой разумеющимся, что гостье хочется осмотреть церковь. Она выглядела настолько радостной и рьяной, что отказать язык не повернулся. Любопытная старушенция с гладкой персиковой кожей и мягкими белыми волосами, которые угасающие сумерки, украдкой проникавшие через жёлтое стекло, окрашивали в золото. Поначалу Джоан приняла её и вовсе за ребёнка. Голосок у неё тоже звучал до смешного по-детски – трогательно и вместе с тем уверенно. И только когда они пересекали проход между скамейками, куда через открытые двери падал более яркий свет, Джоан увидела, что её спутница весьма древняя и тщедушная, в том ореоле своеобразного терпеливого увяданья, которое приходит с тяжким трудом. Она оказалась крайне занимательной и переполненной полезной информацией. Звали её Мэри Стоппертон. Она провела в этой округе всю свою жизнь. Девушкой работала на Ли Хантов и «ассистировала» миссис Карлайл. Самого гения она очень боялась и всегда пряталась за дверями или забивалась по углам и переставала дышать, когда возникал малейший шанс столкнуться с ним на лестнице. Пока однажды, спасаясь от него, она ни забралась в чулан и вцепилась в дверь изнутри, а чулан оказался тем местом, где Карлайл держал свою обувь. В итоге между ними завязалась борьба: она неумолимо держалась за ручку, а Карлайл с такой же решимостью пытался дверь открыть, чтобы забрать ботинки. Закончилось всё разоблачением, дрожащими коленками и пунцовым лицом. Карлайл назвал её «женщиной» и пожелал узнать, что она тут делает. После того случая она полностью утратила малейший страх перед ним. А он даже иногда ухмылялся и позволял ей заходить с метлой и тазом в его священный кабинет. Эта привилегия явно произвела на неё неизгладимое впечатление.^{1 2}

– Они не слишком ладили, мистер и миссис Карлайл? – поинтересовалась Джоан, почуяв возможность получить первосортное свидетельство.

¹ Речь идёт, вероятно, о семействе Джеймса Хенри Ли Ханта (1784—1859) – британского критика, эссеиста и поэта.

² Имеется в виду Томас Карлайл (1795—1881) – британский историк, сатирик, философ, математик, эссеист и переводчик.

– Насколько я могла судить, они не слишком сильно отличались от большинства из нас, – ответила старушка. – Вы не замужем, милочка, – продолжала она, бросив взгляд на руку Джоан, лишённую перчатки, – однако люди не могут не обладать немалым терпением, когда живут с нами двадцать четыре часа в сутки. Видите ли, те пустяки, которые мы делаем или говорим, сами того не замечая, постоянно раздражают окружающих.

– А как насчёт окружающих, которые раздражают нас? – осведомилась Джоан.

– Да, дорогуша, такое тоже случается, – согласилась старушка.

– А этот, Карлайл, он когда-нибудь приходил в церковь? – спросила Джоан.

Мэри Стоппертон с сожалением констатировала, что нет, хотя и жил неподалёку.

– И всё равно он был добрым христианином... по-своему, – уверенно заявила она.

– Что вы называете «по-своему»? – потребовала разъяснений Джоан. Если верить Фруду, христианство это носило мало общего с общепринятым.³

– Ну, видите ли, деточка, – начала старушка, – он отказывался от вещей. Мог укатать свою карету, – пояснила она, явно повторяя слова старого слуги Карлайлов, – если перед этим написал какую-нибудь ложь, за которую люди платят, чтобы им в голову не полетела правда.

– Но даже это не делает его христианином, – возразила Джоан.

– Отчасти, моя дорогая, разве нет? – настаивала Мэри Стоппертон. – Страдание за веру. Думаю, Иисусу он бы понравился.

Они уже шли по узкому участку кладбища между южной стеной церкви и Чейн Уок. Здесь маленькая служка показала Джоан могилу Энн, впоследствии миссис Спрэгг. «Которая, отбросив давно оскудевшее супружество и возвысившись над своим полом, сражалась под началом брата по оружию в мужском платье на флагманском корабле против французов». Равно как и могилу Мэри Астелл, её современницы, написавшей вдохновенное «Эссе в защиту прекрасного пола». Так что движение суфражисток существовало ещё тогда, во времена Поупа и Свифта.^{4 5}

Возвращаясь обратно в церковь, Джоан отдала должное прелести памятника леди Чейн, однако не смогла скрыть изумления перед могилой миссис Колвайл, которую скульптор изобразил эдакой нетерпеливой дамочкой, отказывающейся ждать день воскресения и пробивающуюся через гробовую доску, чтобы отправиться на небеса прямо в погребальных одеждах. Помедлив перед памятником Дакрам, Джоан подумала, не является ли актёр с той же фамилией, совершивший самоубийство в Австралии и чьей лондонской резиденцией, насколько она помнила, был Дакр Хаус здесь же, за углом, отпрыском того же семейства. Если так, то статья могла бы получить современное звучание. Она уже точно знала, как будет её писать. Однако Мэри Стоппертон такими данными не располагала. Они закончили прогулку в молельне сэра Томаса Мора. Тот тоже «отказывался от вещей», включая собственную голову. Хотя Мэри Стоппертон, принимая точку зрения отца Морриса, была уверена в том, что он заполучил её обратно и что она покоится в могиле среди остальных костей.^{6 7 8 9}

³ Джеймс Энтони Фруд (1818—1894) – английский историк, романист, биограф и редактор. Опубликовал противоречивую биографию Карлайла, в которой изобразил того эгоистом и материалистом.

⁴ Историческая дорога в лондонском районе Челси, идущая вдоль Темзы.

⁵ Вероятно, имеется в виду сэр Эдвард Спрагг (1629—1673) – ирландский корсар, ставший адмиралом королевского флота.

⁶ Урождённая Джейн Кавендиш (1621—1669) – поэт и драматург, первая жена Чарльза Чейна, политика и члена парламента.

⁷ Вероятно, имеется в виду супруга Идена Колвайла (1819—1893) – бизнесмена и губернатора «Компании Гудзонова залива», созданной для торговли мехом в Северной Америке.

⁸ Имеется в виду массивное надгробие, под которым похоронены Грегори Файнс, лорд Дакр Южный (1539—1594), и его жена, Энн Сэвилл.

⁹ Томас Мор (1478—1535) – английский юрист, философ и писатель-гуманист. Выступал против протестантизма и не признавал Генриха VIII главой церкви Англии, за что, как считается, был казнён, после чего, через 400 лет, причислен к лику

На этом маленькая служка её вынужденно покинула, отправившись указывать новопривышим их места. Джоан нашла отдалённую скамью, откуда могла наблюдать за всей церковью. Прихожане представляли собой народ по большей части бедный. Лишь кое-где виднелись горстки былой эlegantности. Все в духе этого места. Сумерки сгустились, и какой-то неопрятный старичок прошаркал мимо, зажигая газовые лампы.

Всюду царили умиление и покой. Религия никогда прежде её не привлекала. Деловитая служба в пустой холодной часовне, где она сживала ребёнком, болтая ногами и зевая, вызывала в ней лишь отвращение. Она помнила, как отец, замкнутый и внушающий благоговейный ужас в черных воскресных одеждах, передаёт по кругу суму. Мать, всегда под вуалью, сидит рядом – худая высокая дама с восторженным взглядом и вечно суетливыми руками. Женщины в большинстве своём расфуфырены, а прилизанные состоятельные мужчины напускают на себя вид смирения. В школе и в Джиртоне, в часовне, которую она посещала не чаще, чем требовалось, витала та же самая атмосфера холодного принуждения. А здесь ощущалась поэзия. Она подумала, что, быть может, религии нет места в мире – в обществе прочих искусств. Будет жаль, если она отомрёт. Не похоже, чтобы что-нибудь заняло её место. Все эти чудесные соборы, эти милые церквушки, которые на протяжении веков оказывались средоточием человеческих мыслей и вдохновений. Портовыми огнями, озарявшими мутные воды их жизней. Что с ними делать? Едва ли их можно содержать на общественные фонды просто как напоминания о былом. К тому же, их тьма-тьмушая. Налогоплательщики обязательно заворчат. Переделать в ратуши или залы собраний? Просто невыносимо. Всё равно, что устраивать выступление цирка Барнума в римском Колизее. Да, они исчезнут. Вот только, радостно констатировала она, не на её веку. В городах земля понадобится под другие постройки. Кое-где некоторым медленно увядающим образчикам позволят выжить, заменяя их феодальными крепостями и городскими стенами континентальной Европы: к радости американских туристов и для учебников любителей старины. Какая жалость! Да, но с эстетической точки зрения не менее жалко то, что древнегреческие рощи пошли под топор и теперь засажены кустами смородины, а алтари разгромлены. Что камни храмов Изиды превратились в пристанища для рыбаков на Ниле. А над погребёнными святилищами Мексики ветер колышет кукурузу. Все эти мёртвые истины, которые время от времени загромождали живой мир. Каждую из них рано или поздно приходилось убирать.^{10 11}

И вместе с тем было ли это мёртвой истиной: страстной верой в личного бога, который создал всё к лучшему и к которому можно было обратиться за успокоением, за помощью? Разве не было это таким же подходящим объяснением, как и любая иная тайна, нас окружающая? Столь всеобъемлющей! Джоан не помнила точно, где именно, однако где-то ей попалась аналогия, поразившая её. «Тот факт, что человек испытывает жажду – хотя при этом он может брести по пустыне Сахаре – доказывает, что где-то на свете существует вода». Разве успех христианства в отклике на человеческие нужды не служит доказательством милости? Любовь бога, братство святого духа, милосердие господина нашего Иисуса Христа. Разве не были все нужды человеческие удовлетворены в этом едином исчерпывающем обещании: отчаянное стремление человека верить в то, что за всей этой внешней неразберихой скрывается любящая десница, ведущая к добру? Тяга одинокой души к товариществу, к укреплению? Тяга человека в слабости его к доброте человеческого сочувствия, к человеческому примеру?

А потом судьбе было угодно, чтобы первым уроком стала сказка про Иону и кита. Полдюжины шокированных физиономий, резко повернувшихся к Джоан, свидетельствовали о том, что в какой-то момент этой захватывающей истории, она, вероятно, неосознанно рассмеялась.

святых католической церкви.

¹⁰ Первый в Англии колледж с пансионом для девушек при Кембриджском университете.

¹¹ Знаменитый американский цирк XIX века с лилипутами, великанами, русалками, мальчиком с собачьей мордой и т. п.

К счастью, она сидела на скамейке одна, поэтому, почувствовав, что заливается багрянцем, просто забила в дальний уголок и опустила вуальку.

Нет, этому должен прийти конец. Религия, которая торжественно требует от взрослых мужчин и женщин двадцатого века, чтобы они сидели и с трепетным страхом слушали доисторическую версию сказок братьев Гримм про Ноя с его ковчегом, про приключения Самсона и Далилы, про разговоры Валаама с его ослом и заканчивающихся если не самой идиотской, то уж точно самой комичной мыслью из всех: концепцией старательно сконструированного Ада, в который христианский бог низвергает свои творенья на веки вечные! Какой прок от подобной религии может быть для мира будущего?

Наверное, она опустилась на колени и потом машинально встала, потому что служба закончилась. Место на кафедре занял пожилой мужчина неинтересной внешности и с тревожным кашлем. Однако одна произнесённая им фраза завладела её вниманием: «Все дороги ведут на Голгофу». Фраза ей понравилась. Возможно, его следовало послушать.

– Перед всеми нами рано или поздно, – говорил он, – встаёт выбор двух путей: либо пути к успеху, удовлетворению страстей, чести и одобрению со стороны наших собратьев, либо путь на Голгофу.

После чего оратор съехал в лабиринт подробностей. Торговцы, мечтающие стать эдакими Уайтли, должны выбирать, двигаться ли им дальше или навсегда остаться в маленьком магазинчике. А государственный муж? Должен ли он хранить свою веру и терпеть потерю популярности, либо отринуть бога и войти в кабинет министров? Художник, писатель, обычный труженик – их было слишком всех много. Нескольких правильно подобранных примеров вполне бы хватило. А тут ещё этот противный кашель!¹²

И всё же иногда он заставлял к себе прислушиваться. В расцвете лет, подумала Джоан, он наверняка был превосходным проповедником. Даже сейчас, дряхлый и мучимый отдышкой, он оказывался способным на проблески магнетизма, красноречия. Пассаж, в котором он обрисовал Гефсиманский сад. Благой Иерусалим, скрытый от нас лишь тенью. Туда так просто вернуться! Его мягкий свет пробивается сквозь листву, маня нас к себе. Смещение его голов притягивает нас в тишине, нашёптывая о достопамятных обычаях, об отрадных местах, об распахнутых дверях, друзьях и любимых, только и ждущих нас. И над всем этим – усыпанная камнями Голгофа, а на её вершине, явственный на фоне звёздного неба – холодный тёмный крест.

– Не по нам, возможно, кровоточат руки и стопы, но по всем слезам горьким. Наша Голгофа может быть холмиком в сравнении с горами, где принял муки Прометей, и всё же для нас она крута и пустынна.

Тут бы ему и замолчать. Хорошая нота, на которой можно ставить точку. Однако, похоже, он хотел затронуть ещё одну тему. Голгофа взывает даже к грешнику. К Иуде – даже перед ним врата живительного Гефсиманского сада не были закрыты.

– Со своими тридцатью серебряниками он мог бы улизнуть. Жить в каком-нибудь удалённом многолюдном городе Римской империи, никому не известный, всеми позабытый. В жизни всегда найдутся свои прелести, свои награды. Ему тоже был дарован выбор. Тридцать серебряников, которые так много для него значили! Он швыряет их к ногам своих искусителей. Они не притрагиваются к ним. Он же бросается вон и вешается. Срам и смерть. Собственными руками он воздвиг себе собственный крест, никто не помогал ему. И он – даже Иуда – взбирается на свою Голгофу. Вступает в братство тех, кто во все века брели по её каменному склону.

Джоан выждала, пока ни исчезнет последний из прихожан, и присоединилась к маленькой службе, караулившей момент, когда можно будет закрыть двери. Джоан поинтересовалась,

¹² Видимо, имеется в виду Уильям Уайтли (1831—1907), английский предприниматель, основавший одноимённую розничную компанию и превративший универмаг в торговый центр.

что та думает по поводу проповеди, однако Мэри Стоппертон, будучи глуховатой, ничего толком не слышала.

– Вполне неплохая... её тема, – пояснила Джоан. – Все дороги ведут на Голгофу. Идея в том, что для нас для всех наступает время выбора. Можно, как ваш друг Карлайл, «всё раздать» ради нашей веры. А можно – ради кареты, запряжённой парой.

Мэри Стоппертон рассмеялась.

– Он совершенно прав, дорогуша, – сказала она. – Обязательно наступает, и это так тяжело. Приходится молиться, молиться и ещё раз молиться. И даже тогда у нас не всегда получается. – Она дотронулась морщинистыми пальчиками до белой руки Джоан. – Но вы такая сильная и смелая, – продолжала она, снова посмеиваясь. – Для вас это особого труда не составит.

Только уже почти добравшись до дома, Джоан, вспоминая их разговор, заметила, что улыбается: Мэри Стоппертон восприняла аргумент буквально. В тот момент вид у неё, кажется, был испуганный.

Мэри Стоппертон не знала имени проповедника. Случайные замены при отправлении службы, тем более по вечерам, были явлением обычным. Джоан настояла на том, чтобы она приняла шиллинг и записала её адрес, инстинктивно чувствуя, что маленькая старушка может «пригодиться» с журналистской точки зрения.

Пожав ей руку, Джоан пошла в восточном направлении, намереваясь дойти до Слоунсквер и там сесть на автобус. На углу Окли-стрит она нагнала его. Он был явно не отсюда и приглядывался из-под очков к названию улицы. Джоан заметила его лицо под газовой лампой.

Внезапно ей почудилось, что это лицо ей знакомо. В полутёмной церкви она не сумела его как следует разглядеть. Он по-прежнему всматривался вверх. Джоан снова пригляделась. Да, она уже где-то с ним встречалась. Он сильно изменился, стал совсем другим, однако она была уверена. Давным-давно. Вероятно, она тогда была ещё совсем ребёнком.

Глава 2

Одним из самых ранних воспоминаний Джоан была картина: она стоит перед высоким трюмо в гардеробной матери. Её одежда разбросана повсюду, то есть там, куда она её отшвырнула. На ней самой не осталось ни нитки. Должно быть, она совсем крошка, поскольку запомнила, как задирает голову и видит высоко над собой две медных ручки, которыми зеркало крепилось к подставке. Внезапно в верхней части зеркала появилось напуганная красная физиономия. Замерла на мгновение, и по ней одно за другим промелькнули выражения: сначала окаменевшего изумления, затем возмущения, и, наконец, праведного гнева. После чего физиономия устремилась вниз, и зеркало сменилось мельтешней голых ручек и ножек попеременно с зелёными ситцевыми перчатками и лиловыми тесёмками капора.

– Ах ты, чертёнок сатаны! – вскричала миссис Мандей, истинные мысли которой, вероятно, сгущались чувствами разгневанного целомудрия. – Что ты вытворяешь?

– Уйди! Я на себя смотрю, – объяснила Джоан, неистово отбиваясь, чтобы вернуться к зеркалу.

– Но где твоя одежда? – желала знать миссис Мандей.

– Сняла, – растолковала ей Джоан. Вопрос, который с учётом всех обстоятельств, в толковании не нуждался.

– Но разве ты не видишь себя, порочное дитя, не раздеваясь до того, в чём тебя мать родила?

– Нет, – продолжала настаивать Джоан. – Я ненавижу одежду.

Вообще-то даже в ту раннюю пору это было неправдой. Напротив, одним из её любимых развлечений было «принаряживание». Неожиданное непреодолимое желание докопаться до истины насчёт себя самой стало новой причудой.

– Я хотела увидеть себя. Одежда – это не я, – единственное, на что она хотела и могла снизить.

Миссис Мандей покачала головой и открыто признала, мол, есть вещи вне её понимания и Джоан – одна из них. Ей удалось, отчасти силой, отчасти убеждением, вернуть Джоан схожесть с христианским ребёнком.

Именно миссис Мандей, бедная душа, неосознанно посеяла в головке Джоан семена неверия. Бог миссис Мандей, на взгляд Джоан, был персонажем крайне возмутительным. Он постоянно говорил, точнее, миссис Мандей говорила за него, о своей любви к детям. Однако любил он их, похоже, только тогда, когда они хорошо себя вели. По поводу себя Джоан никаких иллюзий не питала. Если таковы его условия, что ж, тогда, насколько она могла судить, он едва ли ей пригодится. Кроме того, если он терпеть не мог проказников, зачем он их такими создал? По самым скромным подсчётам добрая половина пороков Джоан, как ей самой думалось, появились в ней непрошено. Взять хотя бы то же самообследование перед трюмо. Мысль пришла ей в голову. Она нисколько не показалась ей странной. Если, как объяснила миссис Мандей, ей нашептал её дьявол, то зачем бог позволяет ему беспрепятственно склонять маленьких девочек к неприличным поступкам? Бог мог всё. Почему он не уничтожил дьявола? Джоан, как ни посмотри, видела в этом подлый обман. Оставил, понимаешь, крошку в одиночку сражаться с дьяволом! А потом осерчал, потому что дьявол победил! Джоан от всей души невзлюбила бога миссис Мандей.

Сейчас об этом вспоминалось с улыбкой, однако страдание многих ночей, когда она часами не могла заснуть и боролась с детскими ужасами, оставили в сердце Джоан ожог гнева. Бедная запутавшаяся, ошарашенная миссис Мандей, проповедующая вечное проклятье грешникам, которая любила её и думала лишь о том, чтобы исполнять свой долг, вина была не на ней. Но что религия способна обрекать на подобные муки невинных, вот о чём следует

проповедовать. При поддержке государства! То, что её образованные последователи больше не верят в физический Ад, что её более продвинутое духовенство вступило в заговор молчания по данному предмету – это не ответ. Великая масса людей не имела образования. Официальное христианство во всех странах по-прежнему проповедовало вечную пытку для большинства человечества как хорошо продуманный замысел Создателя. Ни один руководитель не набрался смелости, чтобы выступить и осудить это как оскорбление его бога. Когда человек стареет, добрая мать-природа, вечно стремящаяся помочь своим глупым детям нести собственноручно взваленную на себя ношу, награждает его забывчивостью, невосприимчивостью. Осуждённый преступник, сколько может, гонит прочь мысль о виселице: ест, спит и даже шутит. Душа человека становится толстокожей. Но дети! Их чувствительный рассудок открыт любому безжалостному дуновению. Им не позволено никакого философского сомнения. Никакого учёного диспута на тему отношений между буквальным и аллегорическим, что могло бы облегчить их бешеные страхи. Сколько миллионов крохотных фигурок с побелевшими личиками разбросаны по христианской Европе и Америке, вглядываясь каждую ночь в образ чёрного ужаса! Сколько миллионов ручонков вцепляются в простыни! Общество по предупреждению жестокого обращения с детьми, если бы оно выполняло свой долг, давно бы возбудило дело против архиепископа Кентерберийского.

Конечно, её дорога лежит в Ад. По доброте душевной кто-то из щедрых родственников подарил Джоан на седьмой день рождения издание дантовской «Божественной комедии» с иллюстрациями Дорэ. Из него она получила некоторое представление о том, какая вечность её ожидает. А бог тем временем будет сидеть у себя на небесах в окружении прекрасной свиты дующих во все фанфары ангелов и наблюдать за ней краем глаза. От отчаяния её спасла храбрость. Ей на помощь пришла непокорность. Пускай себе шлёт её в Ад! Она не собиралась ему молиться и под него подлаживаться. Он был греховным богом. Да, именно: жестоким, греховным богом. И однажды вечером она сказала ему об этом прямо в лицо.

День был переполненным даже для такой деятельной грешницы, как маленькая Джоан. Стояла весна, и они уехали за город из-за здоровья матери. Возможно, виной всему было время года: бурление жизненных сил, приводящее к желанию «прыгнуть выше головы», как говорится. Опасный период. Исходя из принципа, что легче предотвратить, чем вылечить, миссис Мандей ввела в обиход на протяжении апреля и мая потчевать Джоан охлаждающей микстурой, однако в тот раз, к сожалению, отпустила без неё. Джоан, одетая не столько напоказ, сколько практично, без туфель и чулок, прокралась вниз. Её будто что-то звало. Безшумно, «как вор в ночи», по выражению миссис Мандей, сдвинула тяжёлые засовы и присоединилась к тысячам лесных тварей – плясала, скакала и кричала, то есть, если коротко, вела себя подстать языческой нимфе, а не как счастливый английский ребёнок. Домой, как ей казалось, она вернулась незамеченной, несомненно, с помощью дьявола. И спрятала мокрые вещи на дне массивного сундука. Затаив на сердце обман, сонным голосом поприветствовала миссис Мандей из-под простыней. А перед завтраком, засыпанная подозрительными вопросами, откровенно врала. В то же утро, во время спора с энергичным поросёнком, согласным изображать Красную Шапочку пока его кормят из корзины, однако отказавшимся надевать чепчик, она обронила нехорошее слово. Днём она «могла убить» единственного сына и наследника фермера. Между ними произошла ссора. В одно из тех грустных мгновений с точки зрения высоких христианских стандартов относительно того, к чему сатана её вечно науськивал, она толкнула его, и бедняга вверх тормашками полетел в пруд для водопоя лошадок. Причина, по которой он, вместо того, чтобы утонуть, поднялся и поплёлся домой, завывая так, что мог разбудить семь спящих отроков, заключалась в боге, присматривавшем за детьми и устроившем всё так, что неприятность случилась на мелководе. Произойди стычка на противоположном берегу, под которым вода была гораздо глубже, и на душу Джоан наверняка легло бы убийство. Джоан подумалось, что если бог, всемогущий и всевидящий, так тщательно подобрал место,

с такой же лёгкостью он мог бы предотвратить и саму заварушку. Почему зверёныша нельзя было препроводить из школы через сад гораздо более коротким путём, чтобы не тащить кругами через двор и не сталкивать с ней в тот самый момент, когда она, мягко говоря, пребывала в настроении вспыльчивости? И почему бог позволил ему назвать её «рыжухой»? То, что Джоан «решила вопрос» таким образом, а не опустилась на колени и не стала благодарить боженьку за спасение её от преступления, доказывало её врожденную склонность к злодеяниям. Вечером была достигнута кульминация. Перед тем, как отправиться спать, она убила старика Джорджа, коровника. Из практических соображений она с таким же успехом могла бы утопить Уильяма Августуса ранее. Этого просто нельзя было не сделать. Мистер Хорнфлауэр, правда, выжил, но это уже не вина Джоан. Джоан стояла в белом пеньюаре возле своей кровати. Всё вокруг неё дышало невинностью и целомудрием: незапятнанные простыни, ситцевые занавески, белые гиацинты на подоконнике, библия короля Якова, подарок тёти Сьюзан, её молитвенник в красивом переплёте из телячьей кожи, подарок бабушки, на столике, миссис Мандей в чёрном по случаю вечера, с брошью (белый рельеф с бледно-розовой могилкой и плакучей ивой) в память о покойном мистере Мандее... Джоан стояла прямо, с бледным, восторженным личиком, отмечая все эти средства праведности и искренне желая мистеру Хорнфлауэру смерти. Старый Джордж Хорнфлауэр был тем, кто, оставшись незамеченным ею, в то утро проходил мимо неё по лесу. Тот хмурый старик Джордж, который подслушал нехорошее слово, которым она обозвала свинюшку, и который повстречал Уильяма Августуса по дороге из пруда. Мистеру Джорджу Хорнфлауэру, скромному орудию в руках провидения, помогавшему ей достичь возможного спасения, она должна была быть признательна. А вместо этого она бросила в отчаянное лицо миссис Мандей ужасные слова: ¹³

– Жаль, что он не помер!

«Тот, кто в сердце своём...» начинался стих, и этому была посвящена целая глава. Джоан была убийцей. С таким же успехом она могла взять кухонный нож и пронзить дякону Хорнфлауэру сердце.

В ту ночь молитвы Джоан, сопровождаемые всхлипываниями миссис Мандей, были исполнены безнадёжностью оторванности от жизни. Поцелуй миссис Мандей получился холодным.

Джоан не знала, сколько пролежала, ворочаясь в своей кроватке. Где-то около полуночи её охватило безумие. Отбросив простыни, она встала на ноги. На пружинном матрасе стоять непросто, однако Джоан сохраняла равновесие. Разумеется, бог был с ней в той комнате. Бог был повсюду, шпионя за ней. Она отчётливо слышала его размеренное дыхание. Оказавшись с ним наедине, она сказала ему, что про него думает. Она сказала ему, что он жестокий, противный бог.

Грешникам Крест Виктории не положен, не то Джоан наверняка заслужила бы его в ту ночь. Храбрость ей придало не отсутствие воображения. Бог и она, одни, в темноте. Он со всеми своими вселенскими силами. Вооружённый вечными муками и наказаниями и восьмилетняя Джоан: тварь, которую он создал по собственному образу и подобию и которую мог пытать и истребить. Ад уже разверзся под ней, однако промолчать было нельзя. Кто-то должен был ему это сказать. ¹⁴

– Ты противный бог, – сказала ему Джоан. – Да, именно. Жестокий, противный бог.

И чтобы не видеть, как перед ней распаиваются стены, не слышать дикого хохота тысячи чертей, которые пришли за ней, она упала, спрятала лицо в подушку, стиснула кулачки и стала ждать.

¹³ Христианские мученики, заживо замурованные в пещере и прославившие там несколько веков.

¹⁴ Британский орден.

И вдруг грянула песня. Ничего подобного Джоан прежде не слышала. Настолько ясная, громкая и близкая, что вся ночь будто наполнилась гармонией. Опускалась до нежно тоскующего плача, трепещущего страстным желанием, и снова взмывала в захватывающем экстазе – песня надежды, песня победы.

Джоан, дрожа всем телом, соскользнула с кровати и отодвинула штору. Не было видно ничего, кроме звёзд и смутного контура холмов. Но песня звучала, наполняя воздух дикой, ликующей мелодией.

Много лет спустя, слушая увертюру к «Тангейзеру», она снова вспомнила ту ночь. Сквозь сумасшедшие, сатанинские неблагозвучия она слышала – то вяло, то победно – марш пилигримов. Так сквозь резкие неблагозвучья мира слышалась Песня Жизни. Сквозь смутные вечности дикарского младенчества человека. Сквозь столетия кровопролитий и ужаса. Сквозь тёмные века тирании и суеверий. Сквозь зло, сквозь жестокость, сквозь ненависть. Безрассудство рока, безрассудство смерти, всё та же соловьиная песнь: «Я люблю тебя. Я люблю тебя. Я люблю тебя. Мы совьём гнездо. Мы вырастим потомство. Я люблю тебя. Я люблю тебя. Жизнь не умрёт».

Джоан забралась обратно в кровать. Её посетило новое чудо. И с той ночи вера Джоан в бога миссис Мандей стала слабеть, чему способствовали обстоятельства.

Во-первых, произошло великое событие – начало учёбы в школе. Она была так рада вырваться из дома, массивного, чопорно меблированного в богатых пригородах Ливерпуля! Её мать, сколько она себя помнила, была инвалидом и редко покидала спальню до полудня. Отца, владельца большого машиностроительного завода, она, как правило, видела только за ужином, когда спускалась к десерту. Когда она была совсем маленькой и мать ещё не заболела, всё происходило иначе. Тогда она проводила больше времени с ними обоими. Она смутно помнила, как отец играет с ней, изображая медведя и рыча из-за дивана. А потом он подхватывал её, обнимал, они оба смеялись. Он подбрасывал её в воздух и ловил. Он казался таким большим и красивым. На протяжении всего детства ей страстно хотелось воссоздать те дни, подпрыгнуть высоко-высоко и повиснуть у него на шее. Она бы горячо его любила, если бы он только ей позволил.

Однажды в поисках объяснения она слегка излила душу миссис Мандей. Всё дело в разочарованности, предположила миссис Мандей, оттого, что она не мальчик. С чем Джоан пришлось согласиться. Возможно также, что его печалила болезнь её матери. А быть может, всё дело в обычном темпераменте, подумала она впоследствии, и тогда они оба виноваты. Всякие мелкие хитрости с упрашиванием, нежностью, своеволием, посредством которых другие девочки столь успешно прокладывали себе путь к теплому гнёздышку уютной любви – она никогда не умела ими пользоваться. За её самоуверенностью таилась стеснительность, упрямая скрытность, которая всегда мешала ей выразить свои эмоции. Что она, несомненно, унаследовала от него. Наверное, когда-нибудь, каждый со своей стороны, они разрушат эту преграду, сама прочность которой, похоже, заключалась в её хрупкости, в её неосязаемости.

А потом, во время школьных каникул, возвращаясь домой с новыми мнениями и взглядами на себя, она так часто оказывалась в противоречиях с ним. Его лютое пуританство было несовместимо с её увлечениями. Вступая с ним в споры, она будто слушала одного из его предков, последователей Кромвеля, восставшего из могилы. Между ним и его рабочими случались разногласия, и Джоан становилась на сторону рабочих. Он отвечал ей не злостью, но холодным презрением. И всё же, несмотря ни на что, если бы он только подал знак! Ей хотелось броситься с плачем к нему в объятия и поколебать его – заставить слушать её мудрость, сидя у него на коленях и обнимая за шею. В сущности, он не был нетерпимым или глупым. Он подтвердил это тем, что разрешил ей пойти в англиканскую школу. Мать никаких желаний не выражала. Выбирал именно он.

Что касается матери, то Джоан всегда её побаивалась, всегда не зная, когда настроение страстной привязанности сменится холодной неприязнью, граничащей с ненавистью. Воз-

можно, говорила она себе в последующие годы, оно положительно сказалось на ней – её одинокое, неконтролируемое детство. Оно заставило её думать и поступать по-своему. В школе она пожинала плоды. Самодостаточная, самоуверенная, самобытная – место лидера было ей обеспечено как естественная прерогатива. Природа ей помогала. Нигде девочка не правит в такой мере по причине своей красоты, как среди себе подобных. Джоан скоро привыкла к тому, что с неё сдувают пылинки. Все её нужды в услугах предупреждались усердными рабынями, состязавшимися между собой за эту привилегию. Отдав приказ, подарив несколько мгновений разговора, она могла до безумия осчастливить какую-нибудь благоговеющую перед ней девочку на весь оставшийся день, тогда как её недовольство оборачивалось слезами и раболепными мольбами о прощении. Она следила за тем, чтобы это не превращалось в блажь, в удовольствии. Ни одна добросовестная юная королева не была более осторожной в распределении знаков внимания, которым следовало быть ободрением достойных и наградой за добродетель. И более умеренной в выражениях неодобрения, приберегая их для исправления ошибок.

В Джиртоне ей приходилось завоёвывать расположение больше силой воли и ума. Конкуренция там была сильнее. Джоан её приветствовала, поскольку это придавало жизни пикантность. Однако даже там её красота не оставалась незамеченной. Умные, блистательные молодые женщины, привыкшие сметать прочь любые возражения яркой риторикой, с раздражением оказывались сидящими перед ней молча, не столько её слушая, сколько на неё смотря. На какое-то время это их озадачивало. Ведь то, что у девочки классические черты, а цвет лица и волос привлекательный, разумеется, не имеет ничего общего с ценностью её политических взглядов. Пока одна из них случайно ни обнаружила, что вообще-то имеет.

– Итак, что по этому поводу думает наша красавица? – поинтересовалась она со смехом.

Она появилась под конец обсуждения, как раз когда Джоан собиралась выйти из комнаты. И тут она протяжно и тихо присвистнула, почувствовав, что наткнулась на объяснение. Красота, та таинственная сила, которая со дня сотворения правит миром, что думает она? Тупая, как правило, пассивная, оказывающая влияние неосознанно. А что если она окажется умной и активной! Один философ мечтал о том огромном влиянии, которое может обрести дюжина добросовестных людей, действующих в унисон. Представьте себе дюжину самых красивых женщин в мире, которые сумели бы создать лигу! Поздно вечером Джоан обнаружила, что они всё ещё обсуждают эту идею.

Мать умерла внезапно, когда шёл последний семестр, и Джоан поспешила домой, чтобы успеть на похороны. Когда приехала, отца не было. Джоан переоделась после пыльной дороги, зашла в комнату, где лежала мать и закрыла дверь. Наверное, она была красивой женщиной. Сейчас, когда раздражение и беспокойства покинули её, красота вернулась. Выразительные глаза были закрыты. Джоан поцеловала мраморные веки и, придвинув стул к изголовью, села. Её огорчало то, что она никогда не любила мать – так, как принято любить матерей, безпрекословно, безрассудно, подчиняясь природному инстинкту. На мгновение ей в голову пришла странная мысль, и она торопливо, почти виновато, отошла, отодвинула уголок шторы и внимательно исследовала собственные черты в зеркале, сравнивая их с лицом покойницы, оказавшейся таким образом молчаливой свидетельницей по делу за или против живущих. Джоан облегчённо вздохнула и отпустила штору. Доказательства были очевидны. Смерть разгладила линии, вернув юность.

Их схожесть была почти сверхъестественной. Будто перед ней лежала её утонувшая сестра. Хотя они друг друга никогда не знали. Значит, их что, тоже разделял темперамент? Почему он заключает каждого из нас в подвижную клетку так, что нам никогда не удаётся протянуть друг другу руки, разве что в те редкие промежутки, когда любовь или смерть отпирает замок? Невозможно, чтобы два столь похожих внешне существа не были схожи в мыслях и чувствах. Чья в том вина? Разумеется, её. Она была отвратительно расчётливой. Даже миссис Мандей, любившая её и не скрывавшая этого, оказалась ей более полезной, была в большей

мере её компаньонкой, была ей ближе, чем собственная мать. В качестве самооправдания она вспомнила два-три случая, когда попыталась расположить мать к себе. Однако судьбе было угодно, чтобы их настроения так и не совпали. Внезапные приступы яростной любви со стороны матери, когда та становилась ревнивой, взыскательной, почти жестокой, в детстве пугали её, а впоследствии утомляли. Другие бы дочери выказали терпение, безкорыстие, однако она постоянно оставалась сосредоточенной на себе. Почему она никогда не влюблялась, как другие девочки? В Брайтоне, когда она ходила там в школу, был один симпатичный паренёк, который писал ей дико экстравагантные любовные послания. Переправка их ей наверняка обходилась ему в половину карманных денег. Почему они её всего лишь забавляли? Они могли показаться прекрасными, если бы только она удосужилась прочесть их с сочувствием. Как-то раз он застал её одну в Даунсах. Он наверняка специально околачивался там каждый день, выжидая подобный случай. Он опустил на колени, поцеловал её туфлю и был таким презренным, таким жалким, что она подарила ему несколько цветков со своего платья. И он поклялся посвятить остаток жизни тому, чтобы заслужить её снисхождения. Бедный малый! Она подумала – впервые с того дня – о том, что с ним стало. Были и другие: четвероюродный брат, по-прежнему писавший ей из Египта и присылавший подарки, которые едва ли мог себе позволить, и которому она отвечала раз в год. А также многообещающие юноши, которых она встречала в Кембридже, готовые, как она инстинктивно чувствовала, пасть ниц и боготворить её. А она только и делала, что обращала их в свою веру – легкость задачи притупляла интерес – с расплывчатой идеей о том, что когда-нибудь в будущем они могут ей пригодиться, когда-нибудь, когда ей понадобится помощь придать этому будущему миру форму.¹⁵

О замужестве она задумалась лишь однажды. И было это в угоду больного ревматизмом вдовца средних лет с тремя детьми, профессора химии, весьма учёного и справедливо знаменитого. Почти месяц она думала, что влюблена. Она воображала себя отдающей ему свою жизнь, натирающей больное левое плечо в том месте, где оно, похоже, донимало его больше всего, и расчёсывающей его картинные волосы, склонные к седине. К счастью, его старшая дочь оказалась девушкой находчивой, а не то бедный джентльмен, естественным образом сбитый с панталыки обожанием юности и красоты, выставил бы себя ослом. Однако если не считать этого единственного эпизода, она дожила до двадцати трёх лет с целым сердцем.

Она встала и переставила стул. Тут на неё внезапно нахлынула волна жалости к мёртвой женщине, которая всегда казалась такой одинокой в этом огромном, чопорно обставленном доме, и хлынули слёзы.

Способность плакать её порадовала. Она терпеть себя не могла за отсутствие слёз. Это было так не по-женски! Даже ребёнком она почти не плакала.

Отец всегда был очень нежен, очень терпелив по отношению к её матери, однако она не ожидала от него подобных перемен. Он постарел, плечи опали. Джоан боялась, что он захочет, чтобы она осталась с ним и взяла на себя хозяйство. Это беспокоило её в значительной мере. Отказаться будет крайне сложно, однако придётся. Но когда он так и не заговорил на эту тему, она была уязвлена. Он расспросил её о планах на следующей после похорон день и, похоже, заботился лишь о том, чтобы посодествовать им. Она предполагала продолжить обучение в Кембридже до конца семестра. Степень она уже получила за год до этого. После чего она отправится в Лондон и начнёт работать.

– Дай мне знать, какое довольствие тебе от меня понадобится, когда поразмыслишь об этом. Дела на заводе идут не так, как раньше, но средств всегда хватит, чтобы поддержать тебя в достатке, – сказал он.

Она там же и тогда же оговорила две сотни в год. Больше она не возьмет, да и то лишь до тех пор, пока ни будет обеспечивать себя сама.

¹⁵ Гряда меловых холмов в Южной Англии.

– Хочу доказать самой себе, – пояснила она, – что в состоянии зарабатывать на жизнь самостоятельно. Я выхожу на публичные торги. Если я ни на что не пригодна, если не смогу позаботиться даже об одной бедной женщине, то вернусь и попрошу тебя меня содержать.

Она сидела на подлокотнике его кресла и, смеясь, привлекла к себе его голову и прижала.

– Если же справлюсь, если окажусь достаточно сильной, чтобы самостоятельно сразиться с миром и победить, это будет означать, что я достаточно сильна и умна, чтобы помогать другим.

– Я буду ждать тебя в конце пути, когда понадобится тебе, – ответил он, и они поцеловались.

А на следующее утро она вернулась к прежней жизни.

Глава 3

Вступление Джоан в лондонскую журналистику было организовано в комнатах Мэдж Синглтон. «Явление красы народу» – фраза, которой Флора Лессинг назвала это событие. Флора Лессинг, известная среди подружек как Флосси, оказалась той девушкой, которая случайно наткнулась на объяснение влияния Джоан. Внешне она была типичной Флаффи Раффлс, с детскими невинными глазками и «непокорными кудряшками», столь обожаемыми автором «Семейного вестника». Поначалу они являлись результатом привычки поздно вставать и, соответственно, выполнять все туалетные операции в спешке. Однако когда выяснилось, что для её профессии они представляют рыночную ценность, кудряшки стали культивироваться прилежно. Редакторы старого порядка высмеяли саму мысль о том, что она может им чем-то пригодиться, когда за два года до этого, благодаря сочетанию наглости и терпения, Флосси протиснулась в их святилище, отечески потрепали по руке, обычно лишённой перчатки, и велели возвращаться домой, где бы её холил и лелеял какой-нибудь честный и достойный молодой человек.¹⁶

Первым предугадал её перспективы Карлтон из «Ежедневной рассылки». Скользя взглядом по шеренге понурых мужчин и женщин, выстроившихся вдоль стены темного коридора при входе, он выделил её. И щелчком пальцев подал сигнал следовать за ним. Шествуя перед ней к себе в комнату, он указал на стул и оставил её сидеть там три четверти часа, пока вёл дебаты с вереницей подчинённых, управляющих и редакторов отделов, которые входили и выходили один за другим, очевидно в заранее оговорённом порядке. Все они тараторили, ни единым словом не отклоняясь от темы, отчего у неё создалось впечатление, что их речи были также заранее отрепетированы.

Сам Карлтон ни разу их не прервал. Могло показаться, что он и не слушает, настолько он выглядел поглощённым кипой писем и телеграмм, ожидавших его на рабочем столе. Когда они замолкали, он задавал им вопросы, причём его внимание по-прежнему было явно сконцентрировано на бумаге в руке. Затем, впервые подняв глаза, он выстреливал короткие инструкции, совсем в тоне эдакого главнокомандующего, отдающего приказы о немедленной атаке, и резко возвращался к своей корреспонденции. Когда последний, как оказалось, посетитель закрыл за собой дверь, он развернулся в кресле и посмотрел на неё.

– Чем вы до сих пор занимались? – спросил он.

– Напрасно тратила время и деньги, торча в газетных кабинетах и слушая дурацкие разговоры старых придурков, – ответила она.

– А узнав, что респектабельная журналистика бесполезна для ума, вы пришли ко мне, – поинтересовался он. – Что, как вам кажется, вы умеете?

– Всё, для чего могут пригодиться перо и чернила, – сказала она.

– Брать интервью? – предположил он.

– Всегда считалось, что у меня получается задавать неловкие вопросы, – заверила она его.

Он взглянул на часы.

– Даю вам пять минут, – сказал он. – Проинтервьюируйте меня.

Она пересела на стул за его столом и, открыв сумочку, достала блокнот.

– Каковы ваши принципы? – спросила она. – Они вообще у вас есть?

Он внимательно посмотрел на неё через стол.

– Я имею в виду, – продолжала она, – с каким из фундаментальных правил поведения вы связываете свой успех?

¹⁶ Героиня американских комиксов начала XX века. Родившаяся в богатой семье, она потеряла наследство и была вынуждена искать работу.

Она подалась вперёд, вглядываясь в его глаза.

– Только не говорите, – не унималась она, – будто у вас их нет. И будто жизнь есть лишь обычный слепой шанс. Подумайте о тех юношах, которые опираются на ваш ответ. Разве вы не поделитесь с ними откровением?

– Поделюсь, – задумчиво ответил он. – Весь фокус в вашей детской мордашке. При обычных обстоятельствах я бы понял, что вы водите меня за нос, и указал вам на дверь. Я же на мгновение почти ощутил желание ответить вам какой-нибудь идиотской банальностью, которая бы подняла меня на смех в глазах всей Флит-стрит. Почему вас интересуют мои «принципы»? ¹⁷

– Вообще-то они меня не интересуют, – пояснила она. – Но это именно то, о чём люди говорят, когда обсуждают вас.

– И что же они говорят? – потребовал он ответа.

– О ваших друзьях, которых у вас никогда не было. И о ваших врагах, что они вечно последние, – проинформировала она его.

– Вы годитесь, – рассмеялся он. – Для девяти из десяти подобная речь угробила бы ваши шансы. Вы распознали меня с первого взгляда и поняли, что это будет интересно только мне. Ваша интуиция вас не обманула, – добавил он. – Как говорится: всегда следуйте ей.

Там же и тогда же он дал ей поручение провести разговор по душам с джентльменом, которого редактор отдела «домашних новостей» «Ежедневной рассылки» назвал бы «ведущим литературным светилом» и который только что изобрёл новый мир в двух томах. Она задавала ему детские вопросы и слушала с широко распахнутыми глазами, пока он, сидя напротив и доброжелательно улыбаясь, обнажал перед ней все внешние хитросплетения творчества и объяснял доходчивым языком необходимость тех изменений и улучшений, которые он надеялся привнести в человеческую натуру. Когда на следующее утро он прочёл в холодной печати то, что наговорил, у него наверняка волосы встали дыбом. Распространяться перед восхищённым взглядом невинной простоты и обращаться к охочему до веселья уху чёрствой публики – не одно и то же. Ему следовало об этом подумать.

Впоследствии его успокоило то, что он пал не единственной жертвой. «Ежедневная рассылка» стала славиться пикантными интервью. Особенно с пожилыми знаменитостями мужского рода.

– Это грязная работа, – однажды заверила Флосси Мэдж Синглтон. – Я торгую своей глупой мордашкой. Не вижу, чтобы я чем-либо отличалась от этих бедолаг. – Они шли домой после вечернего представления в театре. – Не окажись я на бобах, никогда бы этим не занялась. Брошу, как только смогу себе позволить.

– Постараюсь чуток ускорить, – намекнула пожилая женщина. – Когда катишься под гору, не всегда можешь остановиться там, где хочешь. Чем дальше, тем она обычно круче.

Мэдж попросила Джоан прийти пораньше, чтобы они могли поболтать до появления остальных.

– Я пригласила немногих, – пояснила она, вводя Джоан в тихую, отделанную белым гостиную, выходящую в сад. Мэдж занимала несколько покоев в Грейс-Инн на пару с братом, который был актёром. – Однако выбрала их с тщательностью. ¹⁸

Джоан пробормотала слова благодарности.

– Мужчин я не пригласила, – добавила Мэдж, устроив Джоан в мягком кресле перед камином. – Боялась привнести неверный элемент.

– Скажите, – попросила Джоан, – мне часто придётся сталкиваться с подобными вещами?

¹⁷ «Газетная» улица в Лондоне.

¹⁸ Одно из четырех юридических заведений (судебных иннов) Лондона, представляющее собой традиционную форму организации адвокатского сообщества Англии и Уэльсе, и объединяющее барристеров и судей.

– О, такое всегда происходит там, где мужчины и женщины работают вместе, – ответила Мэдж. – Это неудобство, однако, с ним приходится сталкиваться.

– Похоже, у природы в голове только одна-единственная мысль, – продолжала она после паузы, – когда речь заходит о мужчинах и женщинах. С животными более низкого порядка она обошлась благосклоннее.

– У мужчины больше интересов, – возразила Джоан, – тысяча прочих соблазнов, которые его отвлекают. Мы обязаны культивировать его более утончённые инстинкты.

– Это вопроса не снимает, – проворчала Мэдж. – Всегда говорится, что художник... тот, кто работает мозгами, эти самые мужчины, у которых утончённые инстинкты – самые сексуальные.

Она сделала руками нетерпеливое движение, характерное для неё.

– Лично мне мужчины нравятся, – продолжала она. – Они замечательным образом умеют наслаждаться жизнью: в точности, как собака, хоть мокрая, хоть сухая. Мы же всегда щуримся на облака и переживаем о наших шляпках. Было бы так приятно смочь подружиться с ними.

– Я не хочу сказать, что это всё их вина, – говорила она дальше. – Мы делаем всё возможное, чтобы привлечь их... тем, как одеваемся. Кто-то сказал, что для каждой женщины каждый мужчина потенциальный любовник. У нас не получается об этом не думать. Даже когда ещё не знаем об этом. Нам никогда не удастся цивилизовать природу.

– Она не доведёт нас до отчаяния, – засмеялась Джоан. – Она тучнеет, бедняжка, как выразился Уистлер. Мы миновали ту фазу, когда всё, что бы она ни делала, кажется нашим детским глазам правильным. Теперь мы отваживаемся её критиковать. Это показывает, что мы растём. Позднее она будет учиться у нас. В глубине души она милая старушенция.

– К вам она вполне благосклонна, – ответила Мэдж, отвлекаясь. В её тоне не было раздражения. – Полагаю, вы знаете, что в высшей степени красивы. Вы настолько к этому безразличны, что иногда у меня возникают сомнения.

– Я не безразлична к красоте, – ответила Джоан. – Я рассчитываю на её помощь.

– А почему бы и нет, – продолжала она с вызовом, хотя Мэдж молчала. – Она такое же оружие, как и любое другое – знание, интеллект, храбрость. Бог наградил меня красотой. Я буду пользоваться ей, служа ему.

Они, две эти женщины, представляли собой в тот момент любопытную физическую разницу. Джоан, лучезарная, безмятежная, сидела в кресле прямо, чуть запрокинув голову, её красивые руки сцеплены с такой силой, что под гладкой белой кожей проступали изящные мускулы. Мэдж, наморщив брови, наклонилась вперёд, будто пресмыкаясь, а её тонкие нервные пальцы тянулись к огню.

– Как понять, что служишь богу? – спросила она после паузы, явно не столько Джоан, сколько себя. – Это так трудно.

– Почувствовать, – объяснила Джоан.

– Да, но разве они все этого не чувствовали? – задумалась Мэдж. Она как будто по-прежнему спорила скорее с собой, нежели с Джоан. – Ницше. Я читала его. Создаётся общество Ницше, чтобы читать о нём лекции... распространять его здесь. Элеонор занята этим по горло. Мне это представляется ужасающим. Каждая фибра моей души восстаёт против него. Однако они все совершенно убеждены в том, что он – грядущий пророк. Должно быть, он уверовал в то, что служит богу. Если бы я была воином, то ощущала бы себя служащей богу, пытаясь его низвергнуть. Как мне понять, кто из нас прав? Торквемада... Калвин, – продолжала она, не давая Джоан возможности ответить. – Теперь их заблуждения очевидны. Но в то время миллионы людей верили им... чувствовали, что через них вещает божественный голос. Жанна Д'Арк! Представьте себе смерть за то, чтобы водрузить такую штуку на трон. Это было бы смешно, если бы не было так грустно. Вы можете сказать, что она прогнала англичан... спасла Францию. Но ради чего? Варфоломеевские ночи. Опустошение Пфальца Людовиком

XIV. Ужасы французской революции, закончившейся Наполеоном и теми мучениями и маразмами, которые он оставил в наследие Европе. История справилась бы гораздо лучше самостоятельно, если бы бедное дитя оставило её в покое и занималось своими овечками.

– А не приведёт ли подобный ход мыслей к тому, что никто вообще ничего не будет делать? – возразила Джоан.

– Полагаю, это будет означать застой, – согласилась Мэдж. – И всё же я не знаю. Разве нет сил, которые движутся в правом направлении и вызывают к нам о помощи не насилием, что только мешают... тормозит их, но тихой расчисткой пути для них? Вы понимаете, что я имею в виду. Эразм всегда говорил, что Лютер мешал реформации тем, что возбуждал любовь и ненависть. – Она неожиданно умолкла. В её глазах стояли слёзы. – О, если бы только бог мог сказать, чего хочет от нас! – почти воскликнула она. – Воззвал к нам трубными звуками, которые разлетелись бы по всему миру, призывая нас занять ту или иную сторону. Почему он не умеет разговаривать?

– Умеет, – ответила Джоан. – Я слышу его голос. Есть вещи, которые я должна сделать. Заблуждения, с которыми должна бороться. Правда, которую я никогда не должна оставлять, пока она ни восторжествует. – Губы её были приоткрыты, грудь вздымалась. – Он взывает ко мне. Он верил мне свой меч.

Мэдж некоторое время молча взирала на неё.

– Какая вы уверенная, – сказала она. – И как я вам завидую!

Они поговорили на бытовые темы. Джоан обустроилась в меблированных комнатах на тихой улочке симпатичных домиков георгианской эпохи сразу за аббатством. Член парламента с женой занимали нижние этажи. Домовладелец – ушедший на покой дворецкий – и его супруга, ограничивались подвальным и чердачным помещениями. На оставшемся этаже квартировал застенчивый юноша – поэт, как предполагала домовладелица, хотя и не была уверена. Как бы то ни было, он носил длинные волосы, жил с трубкой во рту и до утра не тушил лампу. Джоан до сих пор не поинтересовалась его именем. Она дала себе слово наверстать упущенное.

Они обсудили бюджетные возможности. Джоан подсчитала, что протянет на две сотни в год, откладывая пятьдесят на платья. Мэдж сомневалась, будет ли этого достаточно. Джоан настаивала, что у неё «стандартный размер», и она сможет подбирать «модели» на распродаже. Однако Мэдж, сравнивая её с собой, была уверена в том, что она слишком дородная.

– Вы обнаружите, что одеваться дорого, – сказала она. – Дешёвые вещи будут сидеть на вас плохо. А было бы полнейшей глупостью, даже с деловой точки зрения, не воспользоваться всеми вашими преимуществами.

– Мужчины охотнее восторгаются хорошо одетой женщиной, чем даже красавицей. – Таковым было мнение Мэдж. – Если вы войдёте в кабинет неряшливой, вас растопчут. Заверьте их в том, что цена, которую они вам предлагают, не позволит вам неделю ходить в перчатках, и им станет стыдно за себя. Нет ничего недостойного в том, чтобы издеваться над бедняками, но если вы не симпатизируете богачам, на вас клеймо среднего класса. – Она рассмеялась.

Джоан забеспокоилась.

– Я сказала папе, что попрошу у него только две сотни в год, – объяснила она. – Он поднимет меня на смех за то, что я не знаю, чего хочу.

– Я бы ему в этом не мешала, – посоветовала Мэдж. Она снова стала задумчивой. – Мы, капризные девушки, с нашими нововведениями и независимостью, полагаю, и без того достаточно задеваем старую гвардию.

Зазвонил колокольчик, и Мэдж сама открыла дверь. За ней оказалась Флосси. Джоан не виделась с ней со времён Джиртона и была удивлена её молодёжным «обмундированием». Не дожидаясь встречных выпадов, Флосси первой встала на свою защиту.

– Та революция, которую дожидается мир, – пояснила она, – обеспечит каждого мужчину и каждую женщину доходом в полторы сотни в год. Тогда мы сможем позволить себе быть бла-

городными и возвышенными. А пока девять десятых всего того недостойного, что мы делаем, проистекает от нашей необходимости зарабатывать на жизнь. Полторы сотни в год уберегут нас от дурного.

– А не останется ли для нас тогда соблазнов в виде брильянтового ошейника и легкового автомобиля? – поинтересовалась Мэдж.

– Только для по-настоящему порочных, – отпарировала Флосси. – Это будет нас классифицировать. Тогда мы сумеем видеть разницу между баранами и козлами. Сегодня мы в одной куче: безбожники, которые грешат напропалую из одной лишь жадности и ненасытности, и праведники, вынужденные продавать своё право первородства с его добрыми порывами за порцию мяса с картошкой.

– Ага, социалистка, – заметила Мэдж, занимавшаяся чаем.

Флосси эта мысль явно потрясла.

– Боже мой! – воскликнула она. – Как я до этого не додумалась! С красным флагом и распущенными волосами я оказалась бы во всех иллюстрированных изданиях. Цена на меня взлетела бы безгранично. И я смогла бы покончить с этой моей дурацкой работой. Я больше не могу. Я становлюсь слишком известной. Уверена, что справлюсь. Кричать – это не так уж и сложно. – Она повернулась к Джоан. – Ты примешь социализм?

– Возможно, – ответила Джоан. – Только для того, чтобы его отшлёпать и снова усыпить. Я скорее исповедую соблазны... борьбу за существование. Я лишь хочу сделать жизнь более приятной, более заслуживающей этой борьбы, в которой лучшие поднимутся над остальными. Твоя «всеобщая гарантия»... это будет последним актом человеческой драмы, сигналом опускать занавес.

– Но разве все наши «измы» не ведут к одному и тому же концу? – задалась вопросом Мэдж.

Джоан собиралась ответить, когда служанка объявила «миссис Дентон» и тем отложила дискуссию.

Миссис Дентон оказалась низенькой, седой дамой. В молодости большие сильные черты наверняка придавали ей жёсткости, однако время и скорбь странным образом их смягчили, тогда как в уголках тонкого жёсткого рта таился намёк на юмор, что, вероятно, было внове. Джоан, ожидая, когда их познакомят, возвышалась над ней на голову, но, пожав протянутую ладошку и ощутив, как холодные голубые глаза осматривают её, почувствовала себя полным ничтожеством. Миссис Дентон будто прочитала её, после чего, по-прежнему не выпуская руки Джоан, повернулась с улыбкой к Мэдж.

– Так вот какова ваша новая участница, – сказала она. – Пришла исцелить грустный большой мир... поправить все старые, старые заблуждения.

Она потрепала Джоан по руке и заговорила серьёзно.

– Всё правильно, деточка. Таково призвание юности: подобрать знамя из слабеющих рук и нести его чуть дальше. – Ладошка в перчатке накрыла руку Джоан и так надавила, что девушка вздрогнула. – Вы не должны отчаиваться, – продолжала она, – поскольку в конце вам покажется, что вы не справились. Побед добиваются павшие.

Миссис Дентон резко отпустила руку.

– Приходите повидаться со мной завтра ко мне в контору, – сказала она. – Мы придумаем что-нибудь, что послужит нам обеим.

Мэдж метнула на Джоан взгляд. Она считала положение Джоан уже решённым. Миссис Дентон была старейшиной журналисток. Она редактировала ежемесячное обозрение и была ведущим автором одного из наиболее важных еженедельников, а, кроме того, контролирующей душой различных общественных движений. Всем, кого она «принимала», была гарантирована постоянная работа. Гонорары могли и не соперничать с расценками, предлагавшимися

за более популярный журнализм, однако они позволяли обосноваться и давали Джоан возможность влияния, что составляло её основную цель.

Джоан выразила благодарность. Её хотелось бы побеседовать с этой строгой старушкой подольше, но ей помешало появление двух новых гостей. Первой оказалась мисс Лейвери, статная, громкоголосая молодая женщина. Она руководила изданием для санитарок, однако главным для неё был вопрос суфражисток, то есть женского голосования, который тогда стремительно переключивался на передовицы. Она слышала выступления Джоан в Кембридже и стремилась заручиться её поддержкой, желая окружить себя группой молодых и симпатичных женщин, которые бы приняли бразды правления этим движением из рук «мымр», как она их называла. Сомневалась она лишь в том, окажется ли Джоан достаточно стоворчивой. Она намеревалась предложить ей хорошо оплачиваемую работу в разделе «Новости сестринского дела», ничего не говоря о своих истинных мотивах и полагая, что чувство признательности упростит ей задачу.

Второй была нескладная, расфуфыренная особа, которую мисс Лейвери представила как «миссис Филлипс, моя дорогая подруга, которая окажется всем нам полезной», вскользь добавив Мэдж: «Я не могла её не прихватить. Объясню в другой раз». Без извинений было явно не обойтись. Особа выглядела нелепо и неуместно. Она стояла, тяжело дыша и в лёгкой испарине. Она была низкорослой и толстой, с крашеными волосами. В юности, возможно, ямочки и хохотушки делали её хорошенькой. Джоан сочла, что, несмотря на цвет кожи, ей около сорока.

Джоан подумала, уж ни жена ли она того члена парламента, что занимал комнаты под ней на Коули-стрит. Его фамилия, по словам домовладелицы, была Филлипс. Она шепнула своё предположение на ушко Флосси.

– Вполне возможно, – ответила Флосси. – Как раз тот тип, на котором женятся. Буфетчица, подозреваю.

Остальные продолжали прибывать, пока в итоге ни собралось около дюжины женщин. Одна из них оказалась старой подругой Джоан, а ещё две учились с ней в Джиртоне. Мэдж подобрала тех, которые, как она знала, будут близки по духу, и все обещали помощь: те, что не могли её оказать, постараются предоставить рекомендации, хотя некоторые откровенно сомневались в том, что журналистика даст Джоан больше, нежели просто средства – не всегда слишком честные – к существованию.

– Я начинала с проповеди Евангелия и всего такого прочего, – растягивая слова, призналась некая мисс Симмондс из-под шляпки, которая, если бы она сама за неё платила, обошлась бы ей в пять гиней. – Теперь же моей главной целью в жизни является побуждение неразумных женщин тратить на наряды в два раза больше, чем могут себе позволить их мужья, хитростью заставляя их покупать всякое старьё, вокруг которого наш управляющий по рекламе велит мне поднимать ажиотаж.¹⁹

– Они говорят о мнениях редакторов, – встряла пылкая маленькая особа, занимавшаяся тем, что бросала из окна крошки в стайку шумных воробьёв. – Половину газеты редактирует рекламодатель. Напиши что-нибудь, против чего трое из них возразят, и твой владелец скажет, чтобы ты сменила убеждения или ступала на все четыре стороны. Большинство из нас меняются.

Она захлопнула окно.

– Это вина синдикатов, – последовало мнение некой миссис Эллионт. Она вела колонку «Светские заметки» в каком-то еженедельнике лейбористов. – Когда изданием владел один человек, он хотел, чтобы оно отражало его взгляды. Компания же заботится лишь о прибылях. Ваша современная газета – всего лишь магазин. Её единственная цель – завлечь кли-

¹⁹ 1 гиней = 21 шиллинг

ентов. Посмотрите на «Методистский вестник», принадлежащий тому же еврейскому синдикату, который руководит «Новостями скачек». Над ними по возможности корпят одни и те же сотрудники.

– Мы – стая наёмниц, – заверила присутствующих пылкая маленькая особа. – Наши перья покупает тот, кто предложит лучшую цену. Каких-нибудь два дня назад я получила письмо от Джоселина. Он был в числе первых сотрудников «Социалиста». Пишет, что перешёл ведущим автором в одно консервативное издание на зарплату, в два раза выше прежней. Думал, я его с этим поздравлю.

– Рано или поздно кто-нибудь откроет Общества Реформации Прессы, – предположила Флосси. – Интересно, как это воспримут газеты?

– Так же, как Рим воспринял Савонаролу, – предположила Мэдж.

Миссис Дентон встала.

– Они во многом правы, – сказала она Джоан. – Однако не весь храм был отдан лавочникам. Вы должны поставить свой стульчик и проповедовать в каком-нибудь тихом уголке, где идущий мимо помедлит и послушает.

Её уход послужил сигналом к роспуску посиделок. Очень скоро Джоан и Мэдж обнаружили себя в компании одной только Флосси.

– С какого перепуга Хелен привела с собой эту бедную старую деревянную куклу? – задалась вопросом Флосси. – Она за всё время рта не открыла. Она вам не сказала?

– Нет, – ответила Мэдж, – однако думаю, что могу догадаться. Она надеется... хотя, возможно, «боится» будет более правильно... что её муж собирается присоединиться к кабинету, и пытается быть подстать, внезапно начав изучать политические и общественные вопросы. Она уже месяц присосалась пиявкой к Хелен Лейвери, которая водит её по встречам и собраниям. Полагаю, они заключили некую сделку. Убогое зрелище.

– Боже правый! Какая трагедия для мужа, – заметила Флосси.

– А что собой представляет он? – спросила Джоан.

– Взглянуть особо не на что, если вы это имели в виду, – ответила Мэдж. – Начал шахтёром, кажется. Кончит, похоже, премьер-министром.

– На прошлой неделе слышала его в Альберт-Холле, – сказала Флосси. – Он просто потрясающий.

– В каком смысле? – заинтересовалась Джоан.

– Ну, знаешь, – пояснила Флосси, – как вулкан, заткнутый в паровой двигатель.

Они обсудили планы Джоан. Всё указывало на то, что обстоятельства складываются для неё удачно.

Глава 4

Однако в итоге двери перед ней распахнул Карлтон.

Миссис Дентон была полезна и могла бы оказаться таковой ещё больше, если бы Джоан поняла расклад. Миссис Дентон жила одна в старом доме на Говер-стрит, с высокой каменной залой, которая всегда вторила эхом звукам, не слышным никому, кроме неё. Сын её, как считалось, обосновался в одной из колоний. Никто не знал, что с ним случилось, а сама миссис Дентон никогда о нём не упоминала. Что до дочери, на которой она сосредоточила все свои оставшиеся надежды, то та умерла много лет назад. Тем, кто помнил девушку с нерешительным взглядом и тонкими рыжеватыми волосами, мысль о том, что Джоан на неё похожа, могла бы показаться комичной. Однако воспоминания миссис Дентон затерялись в мечтах, и для неё эта схожесть представлялась совершенно изумительной. Боги вернули ей её дитя, ставшее сильным, смелым и умным. Жизнь обретёт для неё новый смысл. Её труды не умрут вместе с ней.

Она полагала, будто сможет запрячь собственную мудрость энтузиазмом Джоан. Она будет предупреждать её о тех ошибках и ловушках, в которые попадала сама: поскольку тоже начинала с бунтарства. Юность подхватит то, что выронила старость. Возможно, пожилая дама вспомнила увядший, с загнутыми углами томик под названием «Излишки», много лет безмятежно простоявший на полке в её большой библиотеке, а, открыв его на букве «О», прочитала писанное её собственным точным и тонким каллиграфическим почерком следующее весьма мудрое рассуждение:

Опыт – это книга, которую все пишут, но никто не читает

К которому она обнаружила в качестве комплимента дополнение: «Опыт непереводим. Мы пишем его шифром наших мук, а ключ скрыт в наших воспоминаниях».

А, дойдя до «Ю», могла прочитать:

Юность приходит учить. Старости остаётся слушать.

За чем следовало:

. Способность учиться – вот последний урок, который мы усваиваем

Миссис Дентон давно прекратила практику записывать свои мысли. Опыт научил её тому, что слишком часто, обращаясь к ним за помощью, мы обнаруживаем, что они изменились. Однако в случае с Джоан воспоминание об этих сдвоенных «излишках», вероятно, уберегло её от разочарования. Джоан знала новую дорогу, избегавшую ловушек миссис Дентон. Ей стало надоедать, что её постоянно сдерживают.

Для «Сестринского дела» она написала серию сжатых биографий под названием «Леди лампы», начав с Элизабет Фрай. Они представляли собой рассказы о праведных женщинах, боровшихся за слабых и измученных, добиваясь справедливости даже для тех, кто не представлял интереса. Мисс Лейвери они порадовали. Однако когда Джоан предложила изобличить пренебрежение и даже жестокость, слишком часто чинимые в отношении незащитных пациентов частных родильных домов, мисс Лейвери покачала головой.

– Я знаю, – сказала она. – Приходилось слышать жалобы. К сожалению, это одно из немногих предприятий, руководимых исключительно женщинами. И если мы особенно сейчас что-нибудь скажем, наши враги этим воспользуются, чтобы нанести вред делу.

Как-то давнишним летом, вспомнилось Джоан, она делила комнаты переполненного морского курорта с некой девушкой. Комнаты были поразительно грязными. Устав делать намёки, она в одно прекрасное утро сама их вымыла. Она взобралась на стул и начала протирать полки с вековой пылью. Дом был построен на скорую руку, так что в результате она обрушила всё себе на голову вместе с четвертью центнера штукатурки.

– Я так и думала, что вы набедокурите, – устало прокомментировала случившееся домохозяйка.

Выглядело символично. Построенный на скорую руку мир. Исходя из лучших побуждений, в него нельзя было въехать, не причинив больше вреда, чем пользы, и обрушив то, чего обрушать никто не собирался.

Она хотела упразднить стальные капканы на кроликов. Она слышала, как плутишки кричат. Ей это представлялось безобидной реформой. Однако ей сказали, что по соседству, в Вулверхэмптоне, проживают достойные люди – причём в весьма большом количестве, – которые зарабатывают себе на жизнь тем, что производят стальные капканы. Если, заботясь исключительно о кроликах, ты запретишь стальные капканы на них, тем самым ты обречёшь этих достойных людей на медленную смерть от голода. Сам местный мэр написал ответ на её статью. Он обрисовал трогательную картину грустных результатов, которые могут последовать после столь плохо продуманной агитации: сотни седовласых мужей, слишком старых, чтоб выучиться новому ремеслу, будут ходить от двери к двери с протянутой рукой. Толпы мелких детишек, бледных и истощённых. Всхлипывающие женщины. Сам частенько проводил с ними погожий денёк. В конце концов, сочувствие к роду человеческому взяло верх.

Она хотела запретить потогонную систему. Она лазила по гнилым лестницам, видела изголодавшихся существ в их норах. Однако выяснилось, что если вмешаться в эту сложную конструкцию, основанную на потогонном труде, нарушится вся структура британской экспортной торговли одеждой. Не только эти несчастные существа утратят своё пусть и гнусное, но хоть какое-то существование, так ещё и тысячи других невинных жертв окажутся задетыми всеобщим крушением. Всё очень грустно, но половина буханки – а если совсем уж откровенно, то тонкий ломтик – лучше, чем полное отсутствие хлеба.

Она хотела, чтобы детям из школ-интернатов обследовали головы. Одну или две она обследовала собственноручно. Ей представлялось ошибочным вынуждать здоровых детей часами сидеть на расстоянии прыжка от больных. Она полагала, что лучше грязных сделать достойными компании чистых, чем опускать чистых до уровня грязных. Оказалось, что подобным образом разрушалась независимость бедняков. Оппозиционные реформаторы в письмах, блистающих парадоксами и изобилующих классическими аллюзиями, обличали её попытку навязать идеалы среднего класса слишком долго страдавшему пролетариату. Гораздо лучше несколько живых головок, нежели павшие духом люди, лишённые родительских прав.

Через мисс Лейвери она познакомилась с великим сэром Уильямом. Он владел группой популярных провинциальных газет и вселял большие надежды. Сэр Уильям часто задавался вопросом:

– Что я могу сделать для бога, который так много сделал для меня?

Звучало вполне справедливо.

Он пригласил её к себе в «местечко в Хэмпшире» потолковать о планах. «Местечко» оказалось состоящим из сорока спален и было окружено тремя сотнями акров парка. Бог явно постарался со своей стороны.

В укромном уголке парка сэр Уильям опустился на одно колено и галантно поцеловал ей руку. Суть действия заключалась в том, что если она сочтёт себя его «прекрасной дамой» и позволит ему честь и привилегию быть её «верным рыцарем», вдвоём они смогут совершить нечто по-настоящему полезное. Подняться с колена получилось сложнее, поскольку сэр Уильям был пожилым человеком, подверженным ревматизму, и Джоан пришлось прибегнуть к значительному количеству мускульных усилий, чтобы оказать ему содействие. В итоге событие, призванное носить символический характер, закончилось красными щеками и сбитым дыханием у обоих.

Он вернулся к этой теме как-то вечером в библиотеке, пока леди Уильям мирно спала в голубой гостиной. Но поскольку оказалось необходимым заверять уговор печатью рыцарского поцелуя, Джоан его не ратифицировала.

По дороге домой она отчитывала себя. Бедного старого джентльмена можно было бы легко удержать на месте. Мучение случайной безобидной ласки купило бы для неё власть и возможность. Не проявила ли она эгоизм? Не стоит ли ему написать... снова увидеться?

Она знала, что никогда на это не пойдёт. Это было вне её рассудка. Тот даже слушать её не станет. Он приказывал и запрещал, будто она была ребёнком, не имевшим права на собственную волю. Рассудок решительным образом сердился.

Были и другие. Были редакторы, которые откровенно заявляли ей, мол, дело газеты – писать то, что покупатели хотят читать, мол, публика, насколько они могут судить, сыта планами постройки Нового Иерусалима за её счёт. Другие редакторы оказывались готовы обсуждать любое количество реформ, настаивая лишь на том, чтобы те были новыми, оригинальными и обещали популярность.

А потом она встретила Грейсона.

Произошло это на ланче, устроенном миссис Дентон. Грейсон был холостяком и проживал с незамужней сестрой несколькими годами старше его. Он был редактором и совместным владельцем одного вечернего издания. Издание имело свои идеалы и в результате вызывало у широкой публики подозрения, однако, по причине искренности и смыслённости быстро набирало вес. Грейсон был застенчивым, замкнутым человеком с аристократической головой на сутулых плечах. Лицо у него было как у мечтателя, но линии рта выдавали бойца. Джоан чувствовала себя с ним непринуждённо, несмотря на ореол безстрастности, казавшейся частью его характера. Миссис Дентон свела их в пару и за ланчем один из них – Джоан не помнила, кто именно – затронул тему реинкарнации.

Грейсон был не в состоянии принять эту теорию в силу того факта, что в старости рассудок, подобно телу, претерпевает упадок.

– Допустим, к сорока... или, скажем, к пятидесяти годам, – аргументировал он, – я стану существом ярким и разумным. Если я тогда же и умру, превосходно. Я выберу подходящего новорожденного и двинусь дальше. Но предположим, что я протяну до восьмидесяти и умру ребячливым стариком с мозгами, ушедшими на посевные. Что мне делать тогда? Придётся начинать всё с начала: вероятно, с худшего, чем я был до того. Это нам едва ли поможет.

Джоан ему объяснила: старость можно сравнить с болезнью. Гений лежит на постели и бормочет детскую чепуху. Но с возвращением к жизни он восстанавливает свои силы, увеличивает их. Разум, душа не увядают. Старость разрушает линии связи.

– Но вы же наверняка в это не верите! – воскликнул он.

– А почему нет? – рассмеялась Джоан. – Всё возможно. Наличие руки превратило обезьян в людей. Мы подбирали, знаете ли, всякие штуки, разглядывали их и удивлялись, удивлялись, удивлялись, пока ни зародилась мысль, и мир ни стал видимым. К следующему великому открытию нас приведёт любопытство. Мы должны всё подбирать и думать, думать, думать, пока однажды ни появится знание, и мы ни увидим вселенную.

Джоан всегда избегала возбуждения, когда рассуждала об этом.

– Обожаю тебя возбуждать, – призналась ей как-то раз во времена студенчества Флосси. – Ты выглядишь такой возмутительно юной и так довольна собой, когда формулируешь закон!

Она не знала, что поддалась. Он сидел, откинувшись в кресле, и смотрел на неё. Тот усталый взгляд, который она заметила в его глазах, когда их познакомили в гостиной, исчез.

За кофе миссис Дентон поманила его к себе, а мисс Грейсон пересела и заняла его освободившееся место. До этого она сидела напротив них.

– Я так много о вас слышала, – сказала она. – Не могу отделаться от мысли, что вы бы как нельзя лучше подошли изданию моего брата. У него все ваши идеи. Есть у вас что-нибудь, что вы могли бы ему прислать?

Джоан задумалась.

– Ничего ошеломительного, – ответила она. – Я замыслила серию статей о старых церквях Лондона... касательно людей, которые были с ними связаны, и тех взглядов, которые они отстаивали. Только что закончила первую.

– Это наверняка то, что нужно, – сказала мисс Грейсон. Она была худой, увядшей женщиной с мягким, печальным голосом. – Она позволит ему судить о вашем стиле. Он к этому придиричив. Хотя уверена, ему понравится, – поспешно добавила она. – Адресуйте её мне, ладно? Я помогаю ему по мере сил.

В тот вечер Джоан добавила несколько финальных штрихов и доверила статью почте. Дня через два она получила записку с просьбой зайти в контору.

– Моя сестра полна энтузиазма по поводу вашей статьи насчёт церкви в Челси и настаивает, чтобы я взял всю серию, – проинформировал её Грейсон. – Она говорит, что у вас стиль Стивенсона.

Джоан вспыхнула от удовольствия.

– А вы, – поинтересовалась она, – вы тоже сочли, что это стиль Стивенсона?

– Нет, – ответил он, – мне показалось, что там скорее ваш стиль.

– Это какой? – настаивала она.

– Они не смогли вас подавить, – объяснил он. – Сэр Томас Мор с его головой под мышкой, кровавый старина Синяя Борода, зловещая королева Бесс, ворчливый старик Свифт, Поуп, Эддисон, Карлайл – вся эта чернушная толпа! Я увидел, что вы остаётесь при своих, просвещаете их всех, заводите.

Он смеялся.

Из соседней комнаты пришла сестра и присоединилась к ним. У неё было предложение. Заключалось оно в том, чтобы Джоан взяла на себя еженедельное письмо от «Клоринды». Предполагалось, что оно излагает взгляды – возможно, необычно – здоровой и думающей женщины на злободневные вопросы. До сих пор мисс Грейсон писала за неё сама, однако пояснила, что хотела бы освободиться от этой необходимости, чтобы больше времени уделять делам домашним. Джоан же для этого придётся чаще бывать в конторе, поскольку предстоит отвечать на письма читателей и обсуждать некоторые пункты с её братом. Она стояла за его креслом, возложив руки ему на голову. Во всей её позе было что-то странно материнское.

Грейсон удивился, поскольку «Письмо» было её собственной концепцией и превратилось в популярную рубрику. Однако сестра явно не лукавила, и Джоан охотно согласилась. «Клоринда» сделалась моложе, более самоуверенной, в целом – более человеческой. Оставаясь при этом в высшей степени «здоровой» и рассудительной.

– Мы не должны забывать, что она дама весьма уважаемая, вхожая – по её собственным словам – в высшие политические круги, – со смехом настаивал редактор Джоан.

Мисс Грейсон, работавшая в смежной комнате, поднимала голову и прислушивалась. Она любила, когда он смеётся.

– Это абсурд, – сказала ей как-то поутру Флосси, случайно встретившая их вместе, прогуливающих по пути домой вдоль набережной. – Ты не «Клоринда», ты должна писать письма ей, а не за неё, будить её, говорить, чтобы она сошла со своего насеста и почувствовала, что значит ходить по земле. Послушай, что сделаю я: я отведу тебя к Карлтону. Если ты затеваешь распри и ссоры, что ж, это и его игра тоже. Он использует тебя в своих скотских, мерзких целях. Если бы он в то время руководил «Иерусалимской звездой», то заманил бы Иоанна Крестителя и поручил ему вести еженедельную колонку пока ни утихнет шум и гам. В чём беда, если он согласен оказать тебе помощь?

Поначалу Джоан только фыркала. Однако к концу разговора аргументы Флосси одержали верх. Неделью спустя, после полудня она была проведена в частную комнату Карлтона, и дверь за ней закрылась. Свет горел тускло, и какое-то время она никого не видела, пока Карлтон, стоявший возле одного из окон, ни выступил вперёд и ни предложил ей кресло. Они сели.

– Я проглядел некоторые ваши вещицы, – сказал он. – Они ничего, живые. В чём ваша идея?

Памятуя совет Флосси, Джоан сразу же перешла к сути. Она хотела говорить с людьми. Хотела понять их. Будь она мужчиной, она бы взяла стул и отправилась в Гайд-парк. В действительности она Гайд-парк побаивалась. Во всяком случае, побаивалась, что побаивалась. Это могло произойти. В её голосе слышалась дрожь, которая её раздражала. Она боялась, что расплачется. Она не замышляла ничего сумасшедшего. Она лишь хотела тех вещей, которые можно было бы сделать, если бы люди подняли глаза, взглянули друг на друга, увидели окружающую их несправедливость и поклялись не останавливаться до тех пор, пока ни изгонят эту боль и этот ужас. Она хотела, чтобы солдаты... мужчины и женщины, которые забудут про столь милое им собственное «я», перестали считать потери и подумали о гораздо более важном завоевании, как во времена войн и революций, когда люди с радостью отдавали свои жизни за мечту, за надежду...

Он без предупреждения включил электрическую лампу, стоявшую на письменном столе, заставив Джоан резко податься назад.

– Прекрасно, – сказал он. – Действуйте. У вас будет свой «стул» и еженедельная аудитория в миллион читателей до тех пор, пока вы сможете подогревать в ней интерес. Пишите, о чём хотите, и не пишите, о чём не хотите. Будьте осторожны, чтобы на меня не подали иск о клевете. Называйте всю коллегия епископов лицемерами, а всех землевладельцев ворами, если вам так нравится. Но не называйте имён. И не ввязывайте меня в неприятности с полицией. За исключением этого я не стану вмешиваться.

Она собиралась заговорить.

– Одно условие, – продолжал он. – Каждая статья будет начинаться вашей фотографией. Он прочитал в её глазах внезапную тревогу.

– А как иначе вы полагаете привлечь их внимание? – поинтересовался он. – Своим красноречием? Сотни мужчин и женщин столь же красноречиво, как вы, кричат про них каждый день. Кто их замечает? С чего им прислушиваться к вам – очередной капризной умнице: наверняка какой-нибудь старой деве с костлявой шеей и клювом вместо носа? Если в бой вступает Женщина с большой буквы, ей придётся использовать собственное оружие. Если она готова на это, она заставит всех гудеть от негодования.

Он уже встал и теперь прохаживался по комнате.

– Рекламщики это поняли и указывают нам путь. – Он подхватил со стола только что вышедший из печати иллюстрированный журнал и открыл на первой же странице. – «Гуталин Джексона», – прочитал он вслух, – рекламируется изящной кокеткой, демонстрировавшей свои лодыжки. Кто задержится хоть на миг, чтобы узнать про какой-то гуталин? Если только ни споткнётся о лодыжку какой-нибудь дерзкой кокетки!

Он перевернул страницу.

– Страдаете подагрой? Строгая леди готовится принять ванну и почти готова. Старый Джонни в поезде останавливается, чтобы взглянуть на неё. Читает объявление, поскольку она от него этого как бы хочет. Резиновые каблукки. Берегите кожу вашей обуви! Дама в вечернем платье – восхитительные плечики – машет ими у вас перед носом. Иначе вы никогда бы про них не подумали.

Он пролистал страницы. Кинул журнал ей.

– Взгляните сами, – сказал он. – Вечные перья... мозольные пластыри... призывы к милосердию... автомобили... мыло... роули. На их представление завлекает толпы девушка в трико с блёстками.

– Пусть они вас увидят, – продолжал он. – Вы говорите, что хотите солдат. Отбросьте вуаль и призовите их. Ваша французская тёзка! Неужели вы думаете, что Орлеан бы пал, если бы она ограничивалась писанием волнующих воззваний? Она облачилась в подобающие

доспехи и взобралась на коня, откуда все могли её увидеть. Рыцарство не умерло. Вы, современные барышни, стесняетесь себя... стесняетесь своего пола. Вы не даёте ему шанса. Оживите его. Будоражьте кровь юношей. За ней последуют их души.

Он снова сел и наклонился в её сторону.

– Я говорю не о бизнесе, – сказал он. – Мне в данном случае безразлично, что получится. Я хочу, чтобы выиграла вы. Рабочие ферм, содержащие свои семьи на двенадцать шиллингов и шесть пенсов в неделю. Белошвейки, работающие до полуночи за три фартинга в час. Смрадные берлоги, в которых живут люди. Деградированные женщины. Недокормленные дети. Это заслуживает осуждения. Скажите им, что пора с этим кончать. Что Вечная Женственность сошла с плаката и отдаёт приказ.²⁰

Франтоватый юноша приоткрыл дверь и просунул в комнату голову.

– Железнодорожная авария в Йоркшире, – объявил он.

Карлтон выпрямился.

– Серьёзная? – спросил он.

Франтоватый джентльмен пожал плечами.

– Трое убились, восемь ранено, пока, – ответил он.

Интерес Карлтона как будто упал.

– Тормознуть колонку прессы? – уточнил франтоватый джентльмен.

– Да, думаю, стоит, – согласился Карлтон. – Если только не появится что-нибудь получше.

Франтоватый юноша исчез. Джоан встала.

– Могу я обсудить это с подружкой? – спросила она. – Сама я склонна дать согласие.

– И дадите, если вы серьёзны, – ответил он. – У вас есть сутки. Загляните завтра после полудня и поговорите с Финчем. Речь о «Воскресной почте»... о вкладке. Для неё мы используем обработанную бумагу и воздадим вам должное. Финч организует фотографию. – Карлтон протянул руку. – Увидимся, – сказал он.

До «Вечерней газеты» было рукой подать. Она застала Грейсона, когда тот уходил, и всё ему выложила. С ним была его сестра.

Сначала он не ответил. Прохаживался взад-вперёд. Наткнувшись на мусорное ведро, варварски его лягнул, отчего всё содержимое разлетелось по комнате.

– Да, он прав, – сказал он. – Христианство сделала популярным дева над алтарём. Её лицо всегда было женским жребием. Если она делается воительницей, оно станет её оружием.

Он употребил почти те же выражения, что и Карлтон.

– Я так хочу, чтобы они прислушались ко мне! – воскликнула она. – В конечном итоге, это всё равно, что обрести очень громкий голос.

Он взглянул на неё и улыбнулся.

– Да, голос, к которому прислушаются мужчины.

Мэри Грейсон стояла у камина. До сих пор она молчала.

– Вы ведь не бросите «Клоринду»? – спросила она.

Джоан собиралась, однако что-то в голосе Мэри заставило её, против собственной воли, передумать.

– Нет, конечно, – ответила она. – Буду вести обе. Получится эдакий пищуций Джекил и Хайд.

– Как вы станете подписываться? – поинтересовался он.

– Своим именем, полагаю, – сказала она. – Джоан Оллуэй.

Мисс Грейсон пригласила её зайти к ним домой на ужин, однако Джоан нашла повод отказаться. Ей хотелось побыть одной.

²⁰ 1 фартинг = четверть пенса

Глава 5

Когда она покидала контору, сумерки угасали. Она свернула на север, выбирая широкие, плохо освещённые улицы. Направление не имело значения. Она хотела подумать, точнее, помечтать.

Всё складывалось так, как она предполагала. Начнёт с того, что станет силой в журналистике. Она смирилась с идеей фотографии... даже увлеклась ею. Её сфотографируют анфас, так что, говоря со своими читателями, она будет смотреть им прямо в глаза. Это заставит её оставаться самой собой, просто полной надежд любящей женщиной: чуть лучше образованной, чем остальные, благодаря дополнительным возможностям, заглядывающей чуть дальше, поскольку у неё был досуг подумать, но в остальном ничем не превосходящей других, таких же молодых да энергичных. Эта абсурдная журналистская поза всезнания, непогрешимости... этот несуществующий наряд высшей мудрости, который, как в той сказке про одежду короля, надевался, чтобы всем этим напыщенным ничтожествам с Флит-стрит скрыть свою наготу! Ей ничего подобного не понадобится. Она станет подругой, товарищем, таким же слугой великого владыки, советующимся с ними, просящим их помочь. Правительство народа для народа! Оно должно воплотиться в реальность. Эти безмолвные, задумчивые трудяги, спешащие домой по темнеющим улицам, эти терпеливые ушлые домохозяйки, отбрасывающие тени на опускающиеся ставни – это они должны придавать миру форму, а не журналисты, для которых вся жизнь была «печатным материалом». Этот чудовищный заговор, когда-то мечом, церковью, теперь вот прессой, отдал всё правление в руки нескольких чванливых старых джентльменов, политиков, ведущих авторов, лишённых сочувствия и понимания. Настало время от них избавиться. Она поднимет новый флаг. На нём будет написано не «Слушайте меня, дурни», а «Говорите со мной. Откройте мне ваши тайные надежды, ваши страхи, ваши мечты. Расскажите мне о своём опыте, о своих мыслях, рождённых в знании, в муках».

Она вступит с ними в переписку, пройдёт среди них, заговорит с ними. Сложность поначалу будет в том, чтобы заставить их её писать, открыться. Эти безголосые массы никогда не открывали рта, от их имени всегда выступали самопровозглашённые «вожаки», «представители», которые, стоило им добиться известности, мгновенно занимали место в числе правителей и затем со страниц прессы или с трибуны, кричали массам, что им думать и чувствовать. Всё равно, как если бы какой-нибудь сержант-инструктор по строевой подготовке объявил себя «вожаком», «представителем» своего отряда, или овчарка встала в позу «делегата» от овец. Вечно понукаемые как обычное стадо, они почти утратили способность выступать индивидуально. Их нужно было научить, подбодрить.

Она вспомнила, как однажды проводила воскресный урок, и как долгое время тщетно пыталась заставить детей «участвовать», поднимать руку. Чтобы вступить с ними в контакт, понять их крохотные проблемы, она призвала их задавать вопросы. И тогда наступило долгое молчание. Пока, наконец, один толстощёкий безпризорник ни пропищал:

– Скажите, мисс, у вас всюду такие рыжие волосы? Или только на голове?

В ответ она закатала рукав и позволила им обследовать свою руку. А потом в свою очередь настояла на том, чтобы он тоже закатал рукав, обнаруживая тот факт, что выше кисти он давненько не мылся. Этот эпизод закончился смехом и пронзительным галдежом. Они моментально превратились в закадычных друзей, обсуждавших общие вопросы.

Они были всего лишь детьми, эти усталые мужчины и женщины, только что отпущенные после дневной каторги, спешащие домой к своим играм или вечерним урокам. Немного юмора, немного понимания, признание нашей чудесной похожести друг на друга под внешними покровами – вот и всё, что требовалось для сметания преград, для пробуждения духа товарищества. Она отошла в сторону, наблюдая, как их поток пронесётся мимо. Среди них встречались

пронзительные, сильные лица, высокие, глубокомысленные лбы, добрые глаза. Они обязаны научиться думать, говорить за себя.

Она заново отстроит Форум. Людские дела не должны больше решаться за них в уединении кабинетов, охраняемых лакеями. Благо для трудяги на ферме не должно определяться исключительно помещиком и его связями. Человек с мотыгой, человек с согбенной спиной и терпеливым взглядом быка – он тоже должен быть приглашён к столу переговоров. Домашние проблемы среднего класса не должны решаться исключительно рафинированными джентльменами из Оксфорда. Жене мелкого клерка должно быть позволено высказаться. Война или мир – это больше не должно считаться вопросом, касающимся только старых богачей. Обыкновенные люди – пушечное мясо, мужчины, которые погибнут, и женщины, которые будут их оплакивать – им следует дать нечто больше привилегии либо аплодировать трибунным патриотам, либо сгоняться на подавление публичных митингов.

Из тёмной боковой улочки мимо неё юркнула маленькая безформенная фигура в мятом чепчике и переднике – явно представительница этого ленивого, слишком много себе позволяющего класса домашней прислуги. Судя по разговорам в гостиных и газетным корреспонденциям, необыкновенно неудовлетворительная группа. Они не вкалывали, жили в роскоши и требовали роялей. Кто-то предлагал что-нибудь для них сделать. Сами же они – похоже, даже они обладали неким подобием совести – воспринимали это в штыки. Они видели в излишней доброте по отношению к себе зло. В тот вечер они проводили митинг и говорили о том, что всем довольны. Шесть супруг пэров согласились принять участие и выступить от их лица.

Наверное, существовали ни на что не годные обласканные слуги, обманывавшие некомпетентных хозяек. В Риме тоже были изнеженные рабы. Но остальные, несчастные беспомощные девчонки – да таких в любом городе найдутся тысячи, перегруженных работой, недокормленных, живущих одинокой, безрадостной жизнью. Их необходимо научить говорить своими голосами, а не сладкозвучными переливами пэрских жён. При мерцающем свете свечей на холодных чердаках они должны описывать, пусть коряво, свои мечты и отсылать ей.

Она добралась до тихой, обсаженной по краям деревьями дороги, окружавшей большой парк. Мимо неё, украдкой держась за руки, проходили перешёптывающиеся влюблённые парочки.

Она будет писать книги. Своей героиней она сделает женщину из народа. Их истории должны быть переполнены драмой и трагедией: их проблемы – безжалостная правда жизни, а не просто сентиментальные прикрасы. Ежедневная борьба просто за существование, вечная угроза лишиться работы, заболеть, остаться без помощи среди молотов и наковален, грозящих сокрушить их со всех сторон. Непрестанная нужда в храбрости, в изобретательности. Ибо в королевстве бедняков тиран и угнетатель по-прежнему восседает в поднебесной, а разбойник – промышляет без страха.

На какой-то шумной улочке со слепящим освещением мимо неё прошла полураздетая женщина с авоськой, в которой виднелись две буханки. Джоан озарило, что это должно означать для бедноты: хлеб насущный, который в комфортабельных домах считался таким же обычным, как вода, нет, даже не считался, использовался без ограничений, расточался, выбрасывался. А вот в этих немощных, узловатых руках он предстал перед Джоан как нечто священное: освящённое трудом, мучениями, жертвами, чтимое страхами и молитвой.

На тихих улицах с величавыми особняками она через незадёрнутые шторы на окнах замечала богато накрытые обеденные столы, вокруг которых безшумно двигались слуги, поправляя цветы и серебро. Её посетила праздная мысль, а выйдет ли она когда-нибудь замуж. Грациозная хозяйка дома, собирающая вокруг себя блистательных мужчин и женщин, государственных мужей, писателей, художников, промышленных магнатов: наставляющая их, даже учащаяся у них, подбадривающая скромных гениев. Возможно, совершенно безобидным образом допускающая вдохновение, получаемое от хорошо организованного служения себе самой. Салон,

который стал бы ядром всех тех сил, что влияют на влияние, над которыми она будет царить властью ласковой и мудрой. Эта идея ей понравилась.

В эту картину, чуть подальше к фону, она бессознательно поместила Грейсона. Его высокая худая фигура не лишённая оригинальности пришлась ко двору. Грейсон был бы весьма спокоен. Она уже видела, как его красивое аскетичное лицо вспыхивает от удовольствия, когда после ухода гостей она наклоняется через спинку стула и мгновение ласкает его тёмные мягкие волосы, кое-где подкрашенные сединой. Он будет всегда обожать её в той отстраненно сдержанной манере, вечно неприязательной и неутомительной. У них будут дети. Но не слишком много. Иначе это переполнит дом шумом и отвлечёт её от работы. Они будут красивыми и талантливыми, если только все законы наследственности ни окажутся обойдёнными ради того, чтобы насолить специально ей. Она будет их учить, формировать из них наследников своих трудов, что понесут её послание грядущим поколениям.

На углу, где останавливались трамваи и автобусы, она ненадолго задержалась, наблюдая за яростной борьбой. Слабые и старые всякий раз отталкивались назад, чему почти не сопротивлялись, явно воспринимая такое обращение как естественный порядок вещей. Так нелепо, если не думать о несправедливости и жестокости! Нищие, дерущиеся друг с другом! Ей вспомнилось, как однажды зимой она вот так же наблюдала за стайкой птиц, которой кинула горсточку крошек. Им будто других врагов не хватало: всех этих кошек, куниц, крыс, ястребов, сов, голода и холода. Вдобавок ко всему, они считали своим долгом усложнить борьбу друг для дружки, клюя одна другую и объединяясь, чтобы нападать на поверженных. Эти усталые мужчины, измождённые женщины, бледные мальчишки и девчонки, почему они не организуют внутри себя некую систему, которая бы свела на нет эту ежедневную войну одного против всех? Если бы только они смогли осознать тот факт, что в действительности являются единой семьёй, связанной страданиями. Тогда и только тогда они смогут сделать так, чтобы их силу почувствовали. Вот что должно стать первым этапом: взаимовыручка бедняков.

Под конец она пойдёт в парламент. Этому суждено случиться скоро – женскому голосованию. А дальше последует открывание всех дверей. Она будет носить свои университетские мантии. Что окажется гораздо уместнее череды лёгких платьев, не подразумевающих никакого смысла. Какая жалость, что искусство одеваться – его связь с жизнью – известно настолько недостаточно! Какой чёрт, возненавидевший красоту, понуждет рабочих снимать свои характерные костюмы, такие прекрасные и ноские, ради этих ненавистных шмоток из магазинов готового платья, в которых они похожи на ходячие пугала? Почему пришествие демократии совпало с распространением уродства: унылые города, неприглядные улицы, заваленные мусором парки, сморщенные ржавые крыши, христианские часовни, которыми побрезговали бы языческие идолы, омерзительные заводы (Почему им нужно обязательно быть омерзительными?), шляпы, похожие на колпаки дымовых труб, мешковатые брюки, вульгарная реклама, дурацкая мода для женщин, которая уничтожила все линии их фигур? Повсюду потрёпанность, однообразность, монотонность. Человеческую душу уродство душит. Оно крадёт у людей всё чувство собственного достоинства, всё самоуважение, всё уважение друг к другу, лишая надежды, почтения и радости жизни.

Красота. Вот что было ключом к загадке: вся природа с её золотыми закатами и серебряными рассветами, с горделивым нагромождением облаков, с тайной залитых лунным светом прогалин, с речушками, вьющимися по лугам, с призывом её не знающих покоя морей, с нежным обаянием весны, с великолепием осенних лесов, с пурпурными вересковыми болотами и чудом молчаливых гор, с паутинками, сверкающими мириадами драгоценных искорок, с пышным блеском звёздных ночей. Форма, цвет, музыка! Пернатые хористы в кустах и чащах с их утренним щебетаньем и вечерними песнями, шепот листвы, напевы вод, голоса ветров. Красота и грация в каждом живом существе, кроме человека. Прыжки зайцев, кучность стада, полёт ласточек, изысканная прелесть крылышек насекомых, лоснящаяся шкура лошадей, взды-

мающая и опадающая игрой могучих мышц. Неужели нам до сих пор не очевидно, что языком бога была красота? Чтобы постичь бога, человек должен постичь красоту.

Она увидела Лондон будущего. Не ту картину, что была популярна: головокружительный водоворот техники, движущиеся тротуары и летающие omnibusы, кричащие граммофоны и стандартизованные «дома» – город, где электричество король, а человек – бездушный раб. Но город мира, спокойных пространств, праздных мужчин и женщин. Город красивых улиц и приятных домов, где каждый может жить собственной жизнью, познавая свободу, индивидуальность. Город благородных школ, мастерских, достойных того, чтобы в них трудиться, полные света и воздуха. Смог и грязь изгнаны из страны: наука, более не привязанная к коммерциализации, открыла более чистые энергии. Город весёлых площадок, где дети учатся смеяться, зелёных аллей, где обитатели лесов и полей будут желанными гостями, способствующими познанию сострадания и доброты. Город музыки, цвета, радости. Красота возведена в ранг религии. Уродство вне закона как грех. Никаких уродливых трущоб, никакой гадкой жестокости, никаких неряшливых женщин и озверевших мужчин, никаких безобразных ревущих детей, никакого жуткого порока, бравящего на каждом углу надругательством над человечеством. Город, облачённый в красоту, как в живой наряд, где бог идёт рука об руку с человеком.

Она дошла до района узких, многолюдных улиц. Женщины в большинстве своём были без шляпок, а в дверях лодырничали смуглые мужчины, сворачивавшие папиросы. Это место обладало странным ароматом чего-то чужеродного. Крохотные кафешки, полные дыма и шума, обилие чистых привлекательных ресторанов. Она почувствовала голод и, выбрав одну из дверей, стоявшую нараспашку и демонстрировавшую белую скатерть и приятную атмосферу жизнерадостности, вошла. Было поздно, вокруг всё занято. Только за одним столиком в дальнем углу она заприметила свободное место – напротив хрупкой, хорошенькой девушки, одетой весьма скромно. Она подошла, и девушка, предугадав вопрос, гостеприимно ей улыбнулась. Некоторое время они ели молча, разделённые лишь узким столом, наклоняясь над которым, они почти сталкивались головами. Джоан заметила короткие белые пальцы и благоухание какого-то тонкого аромата. В соседке было что-то странное. Она будто излишне подчёркивала свою одиночество. Внезапно она заговорила.

– Симпатичный ресторанчик, – сказала она. – Одно из немногих мест, где вы можете быть уверены в том, что вам не станут докучать.

Джоан не поняла.

– В каком смысле? – уточнила она.

– Ну, вы же знаете этих мужчин, – ответила девушка. – Подойдут, усядутся напротив и не оставят вас в покое. В большинстве мест с этим приходится либо смиряться, либо выходить на улицу. Здесь же старый Густав этого не позволяет.

Джоан встревожилась. Вообще-то она предвкушала случайные ужины в ресторанах, где ей бы удалось изучить лондонскую богему.

– Вы имеете в виду, – уточнила она, – что они вам навязываются, даже если вы отчётливо...

– О, чем отчётливее вы им отказываете, тем игривее они становятся, – со смехом прервала её девушка.

Джоан надеялась, что она преувеличивает.

– Я должна попытаться углядеть столик, за которым меня морально поддержит благожелательная соседка, – сказала она с улыбкой.

– Да, я была рада вас увидеть, – ответила девушка. – Ужинать в одиночестве отвратительно. Вы живёте одна?

– Да, – призналась Джоан. – Я журналистка.

– Я знала, что вы не просто так, – подхватила девушка. – Я художница. Точнее, была таковой, – добавила она после паузы.

– Почему бросили? – поинтересовалась Джоан.

– Да нет, не бросила, не окончательно, – ответила собеседница. – Я всегда могу заработать пару соверенов за эскиз, если захочу, у того или иного багетчика. А они обычно могут продать их за пятёрку. Я видела, как они набивают им цену. Вы давно в Лондоне?

– Нет, – сказала Джоан. – Я дочь Ланкашира.

– Любопытно, – воскликнула девушка, – я тоже. Мой отец управляет мельницей неподалёку от Болтона. Но образование вы не там получали?

– Нет, – призналась Джоан. – Я поступила в Родин в Брайтоне, когда мне было десять, так что избежала. Вы ведь тоже, – добавила она с улыбкой, – судя по вашему акценту. ²¹

– Нет, – ответила собеседница, – я ходила в Хейстингс... к мисс Гвин. Забавно, что мы постоянно были поблизости друг от друга. Папа хотел, чтобы я стала врачом. А я всегда сходилась с ума по искусству.

Джоан девушка нравилась. Одухотворённое, жизнерадостное лицо с искренним взглядом и твёрдым ртом. Голос тихий и сильный.

– Расскажите мне, – попросила она, – что вам помешало?

Она неосознанно подалась вперёд, подперев подбородок руками. Их лица оказались рядом.

Девушка подняла глаза. Несколько мгновений не отвечала. Прежде, чем она всё-таки заговорила, губы стали твёрже.

– Ребёнок, – сказала она и продолжила: – Это была моя собственная ошибка. Я хотела его. Тогда об этом только и говорили. Вы не помните. Наше право иметь детей. Ни одна женщина без него не женщина. Материнство, царство женщин, всё такое. Будто их приносят аисты. Не думайте, что он всё изменил, но он помог мне сделать вид, будто это нечто симпатичное и первоклассное. Раньше это называлось «всепоглощающей страстью». Полагаю, всё дело в значительности: обычный природный инстинкт.

Ресторанчик уверенно пустел. Месьё Густав и его пышная супруга сидели за дальним столиком и тоже ужинали.

– Почему вы не смогли выйти замуж? – спросила Джоан.

Девушка пожала плечами.

– А за кого мне было выходить? – ответила она. – За мужчин, которые меня добивались: клерки, молодые коммерсанты там, дома... на всё это я не клевала. А мужчины, о которых мечтала я, все были слишком бедны. Был один студентик. Он с тех пор продвинулся. Ему было легко говорить «подожди». Дай срок. Это как когда вас приглашают на ужин, только послезавтра. Не беда, если вас не мучает голод.

Подошёл официант убрать со стола. Они оказались почти последними посетительницами. Тон и манеры мужчины покоробили Джоан. Раньше она этого не замечала. Она заказала кофе, а девушка, обменявшись с официантом шуткой, добавила ликёра.

– Но зачем вам было бросать искусство? – не унималась Джоан. Эта мысль не давала ей покоя. – На мой взгляд, если только ради ребёнка, то вы должны были продолжать.

– О, всё это я себе говорила, – ответила девушка. – Собиралась посвятить ему жизнь. Прозанималась почти два года. Пока ни заболела от этой жизни монахини: ни единой толики эмоций. Видите ли, я приняла яд. А возможно, он был во мне всегда.

– А что стало с ним, – спросила Джоан, – с ребёнком?

²¹ Независимая школа-пансион для девочек 11—18 лет, основанная в 1885 году в пригородах Брайтона.

– Мать забрала, – вздохнула девушка. – Бедному малышу так было лучше. Я вроде как умерла, а мой муж уехал за границу. – Она издала короткий сухой смешок. – Мать приучила его видаться со мной раз в году. Они в нём души не чают.

– А вы чем занимаетесь? – уточнила Джоан, понизив голос.

– О, не стоит выглядеть такой напуганной, – рассмеялась девушка. – До этого и ещё не опустилась. – Её голос изменился. В нём зазвучала пронзительная нотка. Каким-то неопи-
сваемым образом она погрубела. – Я содержанка, – пояснила она. – А разве не все женщины
такие?

Она потянулась к своей жакетке. Официант поспешил помочь и без нужды затянул дело. Она тоном холодной вальяжности пожелала ему «доброго вечера» и пошла к двери первой. На улице было уныло и тихо. Джоан протянула руку.

– Прощай надежды на счастливый конец, – сказала она с натянутым смехом. – Не смогли за него выйти, полагаю?

– Он звал, – с важным видом ответила девушка. – Не уверена, что сегодня это мне подойдёт. Уладив с тобой этот вопрос, они перестают быть обходительными. До скорого!

Она резко развернулась и торопливо пошла прочь. Джоан инстинктивно двинулась в противоположном направлении и через несколько минут оказалась на широкой хорошо освещённой и оживлённой улице. Мальчишка-газетчик кричал, расхваливая свои товары.

– Ужаснейшее убийство женщины. Потрясные детали. Экстренно, – монотонно повторял он охрипшим, безчувственным голосом.

Он торговал газетами, как пирожками. Изголодавшиеся покупатели даже не желали ждать сдачи. Она с комком в горле представила себе, сколько бы остановились и отдали деньги, если бы он кричал «Обнаружен новый сонет Шейкспира. Исключительная новость».

Через вращающиеся двери она различала грязные интерьеры, переполненные мужчинами и женщинами, освободившимися от тяжких трудов и обсуждавших свои вечерние радости. С разноцветных плакатов перед большими театрами и мюзик-холлами на неё лилась вульгарщина и непотребщина, соседствующие с объявлениями о том, что все билеты проданы. Из всех шумных углов сверкающие огни выпячивали качества виски или пива того или иного общественного благодетеля или знаменитости – ничего иного, похоже, люди не хотели и слышать. Даже среди тротуарных сирен, как она заметила, тихие и просто симпатичные оставались едва заметными. Повсюду блуждающие взгляды привлекали размалёванные и разнаряженные.

Она вспомнила щенка, которого ей кто-то подарил, когда она была ещё совсем девочкой, и как однажды она шла, обливаясь слезами, потому что, несмотря на все её угрозы и просьбы, он продолжал слизывать с мостовой всякую гадость. Отзывчивый прохожий рассмеялся и сказал, чтобы она не переживала.

– Это всего лишь признак породы, хозяйюшка, – объяснил мужчина. – Самые благородные всегда хуже остальных.

Впоследствии пёсик смущённым взглядом карих глазок молил о прощении. Однако она так и не смогла его отучить.

Навсегда ли человек прикован жаждой нечистот: ты его назад, а он тянет дальше, в грязь, подчиняясь инстинктам, чтобы оказаться бесполезным для всех более высоких целей в силу низости своих желаний?

Город её мечты! Многоголосие толпы сливалось в глумливый хохот.

Ей казалось, что смеются над ней, указывая на неё друг другу, издеваясь над ней, оскорбляя, угрожая.

Она поспешила дальше, наклонив голову и пытаясь ускользнуть от них. Она ощущала себя такой маленькой, такой беспомощной. Она чуть не плакала от отчаяния.

Должно быть, она шла машинально. Подняв глаза, она обнаружила, что находится на собственной улице. А когда добралась до двери, внезапно полились слёзы.

Она услышала позади быстрые шаги и, оглянувшись, увидела человека с ключом в руке. Он миновал её и открыл дверь, после чего, развернувшись, отступил, пропуская её вперёд. Это был мужчина плотного сложения с сильным массивным лицом. Если бы не глубокие сверкающие глаза, его можно было бы назвать уродливым. В глазах же чувствовались нежность и юмор.

– Мы с вами соседи, – сказал он. – Моя фамилия Филлипс.

Джоан поблагодарила его. Поскольку он придерживал перед ней дверь, их руки случайно встретились. Джоан пожелала ему спокойной ночи и пошла по лестнице. В её комнате не было света: только слабые отблески уличных фонарей.

Она продолжала видеть его – его мальчишескую улыбку. И слышала его голос, заставивший слёзы, как по команде, перестать течь.

Она надеялась, что он их не заметил. Какая же она дурёха!

Она тихо рассмеялась.

Глава 6

Как-то раз, обедая в клубе, Джоан повстречала Мэдж Синглтон.

– Я получила забавное письмецо от Флосси, – сказала Джоан, – чуть ли не со слезами на чернилах умолявшей меня заглянуть к ней в субботу вечером, чтобы повстречаться с её «знакомым джентльменом», как она его называет, и высказать своё мнение о нём. Что с ней вообще происходит?

– Всё в порядке, – ответила Мэдж. – В действительности ваше мнение на его счёт её не интересует... точнее, ей не нужно ваше истинное мнение. Она лишь хочет, чтобы мы подтвердили её собственное. Она с ним уже обручилась.

– Флосси обручилась! – Джоан откровенно изумилась.

– Да, – вздохнула Мэдж. – Раньше это было традицией. Юноши просили девушек выйти за них. И если те соглашались, это называлось «обручиться». Мне рассказывали, что в некоторых классах она по-прежнему существует.

– Благодарю, – сказала Джоан. – Я про это слышала.

– По вашему тону я решила, что, возможно, нет, – вздохнула Мэдж.

– Но если она уже обручилась с ним, зачем рисковать и слушать критику? – возразила Джоан, игнорируя дерзость Мэдж. – Слишком поздно.

– О, она готова всё расторгнуть, если мы не заверим её в том, что находим его мозговитым, – пояснила Мэдж со смехом. – Похоже, её отец мозговитым не был, а вот маман была. Возможно, наоборот – я не уверена. Однако как бы то ни было, это приводило к ссорам. Что до меня, то если он вообще терпимый и печётся о ней хотя бы внешне, я намерена найти его оборотительным.

– А если она повторит опыт своей матери? – предположила Джоан.

– Были такие Нортон-Брауны, – ответила Мэдж. – Трудно найти более неподходящую пару. И те, и другие писали романы – кстати, весьма неплохие – и пылали взаимной завистью. За завтраком постоянно швыряли друг другу в голову рецензии. Пока ни развелись. Сама я не знаю никакого рецепта оставаться счастливыми после свадьбы, кроме как не ждать этого.

– Или избегать её в принципе, – добавила Джоан.

– Вы провели хоть день в «Доме Разорённых Дворянок» в Ист-Шине?

– Пока нет, – призналась Джоан. – Возможно, придётся, позже.

– Это должно быть неотъемлемой частью образования каждой женщины, – продолжала Мэдж. – Он предназначен для незамужних дам за сорок пять. Сюзан Флеминг написала о нём статью для «Друга учителя» и провела там день и вечер. Через месяц она вышла за бакалейщика с пятью детьми. Единственное здравое предложение, как избежать беды, попало мне в бурлеске «Синяя птица». Помните сцену, в которой духи детей ждут, чтобы спуститься на землю и превратиться в новорожденных? Кто-то прилепляет у входа в проход записку «Не рождайтесь. Ничего хорошего, кроме волнений».

Флосси проживала в однокомнатной квартире на третьем этаже съёмного дома на Куинс-сквер в Блумсбери, однако этаж гостиных был в этот момент свободным, и Флосси упростила свою домовладелицу позволить ей организовать вечеринку там – само проведение, похоже, шло ей навстречу. Помещение, когда Джоан вошла, было почти битком. Флосси вывела её на лестничную площадку и закрыла за собой дверь.

– Ты ведь будешь со мной откровенной, не правда ли? – попросила она. – Потому что это так важно, а я, похоже, не в состоянии думать самостоятельно. Как говорится, нет пророка в своём отечестве, верно? Конечно, он мне нравится и всё такое... очень. И я верю в то, что он тоже меня любит. Мы вместе были детьми, когда была жива мамочка, а потом он уехал за границу и совсем недавно вернулся. Конечно, я должна думать и о нём, как он говорит. Однако,

с другой стороны, мне не хочется совершать ошибку. Это было бы ужасно, для нас обоих. Я-то ведь смышлёная. И хорошо помню бедных мамочку и папочку. Как-нибудь я тебе про них расскажу. Это было так жутко грустно. Заведи его в уголок и поговори. Ты сможешь сделать заключение моментально, ты ведь такая замечательная! Снаружи он тихий, но я подозреваю в нём глубину. Всё, нам пора обратно.

Она говорила так торопливо, что Джоан почувствовала, будто с неё сдули шляпку. Она с трудом узнавала Флосси. Вся её самоуверенная дерзость испарилась. Она была как дитя.

Джоан честно поклялась, и Флосси, привстав на цыпочки, внезапно поцеловала её и потянула в квартиру.

Молодой человек Флосси стоял у камина, разговаривая, точнее, слушая похожую на птичку маленькую женщину в коротком белом платьице с белыми лентами. Мрачная дама позади неё, которую Джоан издали приняла за няньку, оказалась её секретаршей, в чьи обязанности входило постоянно быть под рукой, готовой отмечать всякую счастливую мысль, которая могла прийти в голову женщине-птичке в процессе беседы. Женщиной птичкой была мисс Роза Толли, популярная романистка. Она объясняла молодому человеку Флосси, которого звали Сэм Холлидей, причину, по которой она написала «Бегущие воды», свой последний роман.

– Он смелый, – признавалась она. – Мне нужно быть готовой к оппозиции. Но его нельзя было не заявить.

– Я считаю себя типичной, – продолжала она. – Когда мне было двадцать, я могла бы вас полюбить. Вы тот тип мужчины, который я любила.

Мистер Холлидей, до сих пор удерживавший вес тела на правой ноге, перенёс бремя на левую.

– Но теперь мне тридцать пять и я не смогла бы вас любить, даже если бы попыталась. – Она махнула в его сторону кудряшками. – Вашей вины в том нет. Просто я изменилась. Представляете, если бы я за вас вышла?

– Не повезло бы нам обоим, – предположил мистер Холлидей.

– Трагедия, – поправила его мисс Толли. – Вокруг нас прямо сейчас разыгрываются миллионы подобных трагедий. Чувственные женщины вынуждены страдать в объятьях мужчин, которых они скоро возненавидят. А что делать?

Флосси, потерявшая терпение, вмешалась.

– О, не верь ей, – посоветовала она мистеру Холлидею. – Она всё ещё тебя любит. Просто дразнит. А вот Джоан.

Она представила подругу. Мисс Толли поклонилась и дала увести себя худощавому юноше, который тоже выжидал удобного момента. Он представлял кинематографическую ассоциацию «Подъём» из Чикаго и желал знать, согласится ли мисс Толли изменить последнюю главу и таким образом подарить «Бегущим водам» счастливый конец. Он указывал на его безнадежность в нынешней форме, в смысле, для экранизации.

Дискуссия получилась короткой.

– В таком случае я вышлю вашему агенту контракт завтра же, – услышала Джоан его слова через минуту.

Мистер Сэм Холлидей понравился ей сразу. Это был молодой человек с чисто выбритым квадратным подбородком, спокойным взглядом и приятным голосом.

– Постарайтесь найти меня мозговитым, – шепнул он ей, как только Флосси оказалась вне пределов слышимости. – Заговорите со мной о Китае. Я весьма смышлён в вопросах Китая.

Они рассмеялись и виновато посмотрели в сторону Флосси.

– А тамошние женщины и в самом деле деформируют себе ноги? – поинтересовалась Джоан.

– Да, – ответил он. – Все те, кому они не пригодятся. Около одного процента населения. Если послушать мисс Толли, можно подумать, что половине женщин хочется завести нового

мужа каждые десять лет. Всегда существует один процент, который заставляет говорить о себе. Остальные девяносто девять слишком заняты.

– А вы слишком молоды для философа, – заметила Джоан.

Он рассмеялся.

– Я же говорил, что вы не ошибётесь, если начнёте с Китая, – сказал он.

– Зачем вы женитесь на Флосси? – спросила Джоан.

Она предполагала, что его точка зрения будет интересной.

– Пока не уверен, что получится, – ответил он с усмешкой. – Зависит от того, как я переживу сегодняшний вечер. – Он обвёл взглядом комнату. – Интересно, мне нужно пройти через всю эту толпу? – добавил он.

Джоан последовала его примеру. Это и в самом деле было странное собрание. Флосси в своей охоте за умами, щедро разослала приглашения направо и налево. В итоге она получила благотворительный концерт. Не все звёзды, от мнения которых она зависела, явились за зов. С другой стороны, её не обошёл ни один чудак. В данный момент центр комнаты занимал джентльмен и две дамы в классическом убранстве. Они держались за руки в позе, напоминающей барельеф. Джоан вспомнила их, поскольку раза два видела прогуливающихся по Кингс-роуд в Челси, продолжая, настолько позволяло движение, сохранять намёк на барельеф, и обычно окружёнными толпой детей, надеющихся, что на следующем углу они остановятся и покажут что-нибудь по-настоящему занятное. Они принадлежали к обществу, чьей целью было силой примера вынудить лондонскую публику принять моду ранней Греции и упрощённые греческие взгляды. Подруга Флосси связала с ними свою судьбу, однако её так и не смогли убедить расстаться с зонтиком. Они тоже, говорила себе Джоан, были реформаторами. Рядом с ними располагался живописный джентльмен с бородой до пояса, чей «трюк», как назвала бы это Флосси, заключался в гигиенической одежде: внешне она состояла из неоправданно большой пропорции свежего воздуха. Тут же были дамы в пальто со стоячими воротниками и джентльмены с пейсами. Не одному гостю, если бы не на радость, то наверняка на пользу пошла бы ванна.

– Думаю, таков и был замысел, – сказала Джоан. – Что вы станете делать, если провалитесь? Вернётесь в Китай?

– Да, – ответил он. – И заберу её с собой, бедняжку.

Джоан возмущил его тон.

– Мы не все одинаковые, – заметила она. – Некоторые из нас вполне в своём уме.

Мистер Холлидей посмотрел ей прямо в глаза.

– Вы – да, – заключил он. – Я читал ваши статьи. Они превосходные. Я собираюсь помочь.

– Как вы можете? – удивилась она. – Я хотела сказать, чем вы можете?

– Я занимаюсь грузоперевозками, – сказал он. – Помогу морякам. Позабочусь о том, чтобы им было куда обратиться, что-нибудь приличное, где их не ограбят. А ещё есть ласкары, бедные черти. Никто и никогда за них не заступается.²²

– Как вы на них наткнулись? – спросила она. – Я имею в виду, на статьи? Их вам дала Фло?

– Нет, – ответил он. – Случайно. Заметил вашу фотографию.

– Скажите, – встрепнулась она, – если бы на фотографии была женщина с костлявой шеей и птичьим носом, вы бы стали их читать?

Он на мгновение задумался.

– Пожалуй, нет. Вы тоже не лучше, – продолжил он. – Разве вы все не стремитесь слушать бледного юного священника с волнистой шевелюрой и красивым голосом? От природы не уйти. Но не только поэтому.

Он замешкался

²² Матросы-индийцы

– Я хочу знать, – настояла она.

– Вы выглядели такой молоденькой, – ответил он. – Мне раньше всегда казалось, что приводить мир в порядок доверено только старикам... что мне остаётся только следить за собой. Внезапно, я понял, когда разговаривал с вами... то есть, когда читал вас, что если об этом переживаете вы, то и я должен поучаствовать... что с моей стороны было бы подлостью уклониться. Это была не проповедь. Как будто кто-то взывал о помощи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.